

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

КАТРИН

А. РАЙН

Александр Райн

Катрин

«Автор»

2021

Райн А.

Катрин / А. Райн — «Автор», 2021

Девочка-подросток из маргинальной семьи волей обстоятельств знакомится с настоящей ведьмой и становится ее помощницей, открывая в себе невиданные возможности. История юной ученицы и её наставницы, начавшись в серых бытовых реалиях, плавно переносится в скрытое от простых людей место, полное волшебства и невероятных тайн. Но не всё в мире магии так радужно, как кажется на первый взгляд. Торговля душами, запрещенные заклинания, могущественные колдуны, коварные алхимики, голодные паразиты — жизнь Катрин каждую минуту будет подвергаться опасностям этого жестокого, коварного и весьма опасного мира, и она не раз задумается о том, кто она и где её место.

© Райн А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Райн

Катрин

Пролог

Катрин родилась в семье, где пустую пивную бутылку выкидывали прямо из окна. В туалете их квартиры всегда стоял аромат крепких сигарет «Rothmans Royals», который по вытяжке разносился на несколько этажей выше вместе с руганью – она была в этой семье стандартом нормального общения.

Отец Катрин не работал уже несколько лет. Вся его деятельность заключалась в курении на скамейке возле подъезда, а также в уборке придомовой территории, которую он до этого сам же и загаживал, кидая куда попало окурки и бутылки. За уборку ему доставалась символическая плата от местного домоуправления. Но отец даже и не подозревал, что на эту же сумму их семье завывают квитанции по коммунальным платежам. А оплачивает их его жена. Так что, по сути, мать Катрин спонсировала уборку собственного мусора, а заодно и покупку алкоголя. Им отец регулярно затаривался в местном магазине, который удачно расположился прямо в соседнем доме.

Катрин росла сама по себе. Чувство родительского долга у ее матери просыпалось лишь ближе к ночи или ранним утром, когда у женщины бывало не самое хорошее настроение, и поэтому она срывалась на дочь по поводу и без.

Катрин было лет двенадцать, когда субботним вечером ее мать перебрала «отвертки» с подругой. Случайно заметив помаду на губах дочери, мать взорвалась: устроила пьяный скандал, сыпала грязными ругательствами. Но, увидев безразличие на лице девочки, не придумала ничего лучше, как крикнуть: «Проститутка малолетняя!» и ткнуть тлеющим окурком дочери прямо в глаз. С тех пор Катрин этим глазом видела лишь наполовину. Мать чудом не лишила родительских прав. Она напугала дочь, сказав, что если та расскажет правду, то ее отправят в детский дом, где она умрет голодной смертью. Зашуганная Катрин наврала комиссии по опеке, и в итоге все спустили на тормозах.

Алкоголь пришел в жизнь Катрин, когда ей исполнилось четырнадцать, тогда же случился и первый секс, а через год она втайне от родителей сделала аборт. И все бы шло по накатанной – тысячи подобных историй всегда имеют один и тот же сценарий, один и тот же финал. Девочка увязла в этом болоте еще до появления на свет, и было бы наивно надеяться на то, что соблазнительная топь так легко отпустит ее из своих теплых темных вод.

Но однажды в их подъезд въехала новая соседка, и по болоту пошла непривычная рябь...

Глава 1

Катрин поднималась по лестнице на родной третий этаж, громко топая по бетонным ступеням всякий раз, когда свет в подъезде гас. Датчики шума реагировали на звук, и подъезд заливал тусклый желтый свет. Девочка возвращалась после очередной гулянки с местной шпаной – в этой компании она проводила большую часть своего свободного времени.

Еще не преодолев последний лестничный марш перед третьим этажом, Катрин заметила на площадке мебель, совершенно не вписывающуюся в местный колорит. Люди, живущие в этом доме, являлись далеко не самыми успешными представителями общества. Они ютились большими семьями в холодных бетонных квартирках с совмещенным санузлом. И когда Катрин увидела массивный деревянный стол, занимающий половину лестничной клетки, девочка не смогла пройти мимо. К тому же этот исполин стоял прямо напротив ее двери.

Запах благородного дерева был таким насыщенным, что перебивал аромат жареных пельменей, доносившийся из квартиры Катрин. На столе идеально ровной стопкой лежала колода карт, рядом с ней – несколько упитанных книг в толстых кожаных переплетах (вес фолиантов можно было ощутить, просто посмотрев на них). Чуть поодаль стояли вытянутые фужеры для вина. Катрин без лишней скромности провела по столу рукой – на подушечках пальцев не осталось ни пыли, ни пленки жира. Затем девочка взяла в руки колоду карт с какими-то чудными картинками, бесцеремонно ее перетасовала и, сложив в безобразную пирамидку, бросила назад. Оставив без внимания книги, она потянулась к фужерам.

– Я попрошу тебя не трогать фужеры своими грязными пальцами, мне потом из них пить, – обратился кто-то к Катрин так резко, что от неожиданности девочка отскочила от стола и больно ударилась о ручку собственной двери.

Свет погас. На площадке этажом выше мерцала оранжевая точка. Катрин топнула, датчик звука послушно щелкнул, и единственная лампа озарила подъезд унылым светом. Наверху стояла незнакомая девушка в темном платье с поясом. Платье имело довольно откровенный вырез. Девушка была младше матери Катрин, но значительно старше самой девочки – вполне сгодились бы ей в тетки. Тонкое лицо, припухшие губки, аккуратный носик, ямочки на щеках, тщательно уложенные волосы угольного цвета – все эти черты идеально подходили друг другу и ужасно бесили неидеальную Катрин, подростковая кожа которой была покрыта угрями и ненавистными с детства веснушками. Острый нос раздражал ее чуть меньше, чем тонкие губы и маленькие глазки, которые не могла спасти никакая подводка. Растрепанные волосы, доставшиеся в наследство от матери, походили на прелую солому и не могли сложиться в какую-либо прическу, зато прекрасно прикрывали незрячий глаз, который Катрин прятала под челкой.

Незнакомка стояла боком, руки ее были скрещены на груди, в одной руке тлела тонкая сигарета, и приторный дым вылетал в открытое окно.

– Пф-ф, – фыркнула Катрин и, нервно покрутив ключом в замочной скважине, исчезла за дверью.

В течение всего дня из подъезда доносились звуки тяжелой ходьбы и крепкий мужской мат. Грузчики таскали мебель на этаж и заносили ее в квартиру новой соседки. Пришедшая с работы мать Катрин, не успев перевести дух, прямо с порога заявила так громко, что ее слышала вся лестничная площадка:

– Не, ну вы видáли?! Весь подъезд заставили своим хламом! Видите ли, у нас новые жилыцы! А то, что старым с сумками ни пройти, ни проехать, им уже наплевать! Дальше чего от таких вот ждать?!

Эти слова не были адресованы кому-то конкретному. Их должны были слышать, принять во внимание и расценить как знак недовольства, которое в лицо не высказывают, но обсуждают вслух (руководствуясь принципом «за своими стенами говорю, что хочу»).

Катрин не любила эти показушные замашки, но в чем-то была солидарна с матерью: новая соседка ее тоже бесила, хоть и беспричинно.

Следующий день – выходной. Родители Катрин были заняты каждый своим делом: отец спал до ужина после утренней попойки, а мать шаталась по рынку в поиске самых дешевых туфель. Ответственной за обед осталась Катрин. Обычно к столу подавали макароны с дешевой вареной колбасой или яичницу из десятка яиц. Вот и сейчас «повар» топил в подсолнечном масле кашу из переварившихся спагетти и ломтиков «докторской». Катрин собиралась добавить в блюдо черный перец и перемешать, когда ее внимание привлекли голоса из коридора. Девочка убавила огонь и подошла к двери. Прислонившись ухом к облезлой обивке, она затаила дыхание и прислушалась.

– Это от сглаза. Порошок нужно принимать ровно в полночь каждые третьи сутки, начиная с первой полной луны, то есть со вторника. А это засунете под дверь.

Катрин узнала голос, который принадлежал их новой соседке.

– А поможет? – этот сомневающийся голос был незнакомым.

– Если не поможет, я дам вам кое-что посильней.

– Сколько я вам должна?

– Думаю, мы сочтемся в следующий раз.

«Что это она там втюхивает?» – заинтересовалась Катрин.

Будет неудивительно, если это окажутся наркотики. В прошлом году одного из соседей уже накрыли с его домашним «гербарием». Что ж, придется заново привыкать к шприцам и дырявым бутылкам, раскиданным по всему подъезду...

За размышлениями Катрин не заметила, что квартиру заполнил горький дым, идущий от оставленной на плите еды.

– Спасибо, спасибо большое! – сказал незнакомый голос. Через несколько секунд послышались быстрые удаляющиеся шаги.

– Любишь подслушивать? – вдруг громко спросила соседка, явно адресовав свой вопрос Катрин.

Та отшатнулась от двери и на цыпочках побежала назад на кухню. Увидев почерневшее месиво, девочка выключила газ и накрыла сковороду крышкой. Юное сердечко от волнения колотилось как сумасшедшее. Катрин уселась на табурет и, затаив дыхание, стала ждать. Через секунду в подъезде раздался звук хлопнувшей двери. Катрин выдохнула, затем налила в стакан воды и выпила залпом.

«Как она меня услышала?» – стучало у нее в голове.

Остаток дня прошел обычно. Катрин умела быстро приходить в себя, поэтому через пару часов спокойно покинула квартиру, уже не боясь встретиться с соседкой лицом к лицу.

«Подумаешь, фифа какая ушастая», – думала она с интонацией своей матери, которая постоянно вела себя так, будто была очень деловой особой.

В подъезде все чаще стали появляться новые люди. Сомнительные личности – ни с кем не здоровались, старались не показывать лиц, при виде кого-то из жильцов быстро скрывались – все они были гостями новой соседки.

Торговка наркотиками действовала слишком смело. Появление людей в погонах было лишь вопросом времени. Скоро квартира снова будет выставлена на продажу, и это, безусловно, радовало. Но полиция все не появлялась. Не было ни дня, чтобы мать Катрин не упомянула о соседке.

– Мне кажется, она проститутка. Аркадий, чего молчишь?! – пинала она мужа.

– Я, я йе у... – что-то несвязное мычал в ответ отец.

Слова ему давались с трудом – он был единственным членом семьи, которого интересовала только его вечно страдающая от похмелья голова, и ничего больше. Аркадия не волно-

вало даже то, что он надевал майку задом наперед, и уж тем более ему была неинтересна новая соседка.

– Завтра пойду к участковому и скажу, чтобы он взял ее на заметку. Ишь чего удумала – приемы на дому устраивает! Мне тут всякие извращенцы спидозные на хрен не сдались! – мать бухтела, как старый пылесос: долго, громко и нудно.

Катрин молча кивала головой, поджав губы и уткнувшись в мобильник. Она-то знала, кто и зачем приходит на их этаж. Но девочка не спорила и не рассказывала об услышанном – достаточно было того, что мать решила взять дело под личный контроль.

Девочка как раз писала сообщение с новостями своей подруге, когда ей прилетело тревожное СМС: «Ты оставила свой дурацкий бабский дневник в подъезде, заберешь в тридцать пятой квартире».

«Как это я оставила дневник?!»

Катрин резко вскочила со стула, испугав мать, которая делала маникюр за обеденным столом. Поранив палец, женщина сунула его в рот и, не вынимая, выругалась вслед убегающей дочери.

Катрин влетела в свою комнату, подняла засаленный красно-коричневый портфель и, скрипнув молнией, вывалила его содержимое на кровать. Целая гора разностей посыпалась наружу: ручки, тетради, обертки от конфет, пивные крышки, прокладки – все что угодно, но только не дневник. И тут Катрин вспомнила, что вчера вечером, когда они с подругой пили пиво в подъезде, она выложила дневник, чтобы спрятать в портфель пачку сигарет, а в итоге...

«Я точно помню, что убирала дневник обратно, точно помню... или нет...»

В этом дневнике было слишком много личной информации, чтобы кто-то совал туда нос. Мать понятия не имела о том, что Катрин сделала аборт; о том, что дочь в прошлом году была не у бабушки, а провела все выходные у подруги на даче; о том, что она пробовала два года назад нюхать клей вместе с одноклассниками... Все это девочка описывала в своем дневнике, причем с мельчайшими подробностями. Только так Катрин чувствовала себя более-менее нормально, словно все, что происходит с ней, – это какой-то дурацкий сценарий, выдуманная история, драма, которая сгодится для авторского кино, но не для реальной жизни обычного подростка.

Где-то в груди появился неприятный ком, он перекрыл дыхание, а затем опустился по пищеводу в область желудка. Квартира под номером тридцать пять принадлежала той самой соседке напротив, которая ужасно не нравилась всей семье Катрин.

«С одной стороны, хорошо, что дневник нашла новая соседка, а не кто-то из знакомых. Возможно, с ней удастся договориться», – подумала девочка.

Прокрутив всю ситуацию в голове и приняв решение не волноваться раньше времени, Катрин вдруг осознала, что упустила одну важную деталь:

«Так. Стоп. Где она вообще нашла мой номер телефона?»

Не найдя ответа на этот вопрос, но хотя бы прикинув, как и что нужно говорить, Катрин обулась и вышла из квартиры.

Раньше напротив жила милая старушка, которую все в подъезде любили и уважали. Она всегда была очень добра с Катрин и при каждой встрече интересовалась делами ее семьи. Остальных соседей не волновали чужие проблемы, но эта женщина дарила уют целому подъезду.

Однажды в ее квартиру проникла парочка отбитых на всю голову «торчков» из соседнего района. Они давно следили за старушкой, знали ее распорядок дня, поэтому все спланировали заранее. Дождавшись, когда бабушка получит пенсию и пойдет за покупками на рынок, двое отморожков разворотили деревянную дверь и вынесли все, что имело хоть какую-то ценность, включая накопления за пару месяцев.

Старушку хватил неслабый удар – эта ситуация в корне изменила всю ее жизнь. Она долгое время не появлялась на людях, продукты ей носили родственники, а иногда даже соседи. Тех двоих поймали через три дня во время очередной кражи, а сознательные жильцы (к их числу не относилась семья Катрин) скинулись и поставили женщине новую дверь – красивую и, главное, надежную.

Старушка умерла лет семь назад, и с тех пор квартира пустовала, пока ее повзрослевший внук не продал жилплощадь.

Новая соседка, еще не успев въехать, первым делом заменила дверь, которую когда-то жильцы подарили бедной бабушке. Но что больше всего удивило Катрин, как и всех остальных, – новая дверь и рядом не стояла с предыдущей. Обшарпанная, вся в потертостях, обитая непонятного цвета кожей – то ли потемневшей от времени, то ли изначально грязной, словно ее принесли с помойки. Цифр, как и ручки, на двери не было, отсутствовал также и глазок.

Катрин смотрела на дверь и не решалась подойти. Но дневник нужно было забрать, а значит, настало время заканчивать с этими «детскими страхами». Девочка подошла поближе и начала искать глазами звонок, но безрезультатно. Тогда, глубоко вздохнув, она стукнула костяшками пальцев по двери, и та на несколько сантиметров приоткрылась.

– Эй, есть кто дома? – тихонько спросила Катрин, заглянув в образовавшуюся щель.

– Заходи! – донесся изнутри женский голос.

– Мне только дневник забрать! – чуть громче сказала Катрин, не желая переступить порог квартиры.

– Заходи, я сказала, или ничего тебе не отдам!

Приказной тон соседки и страх не получить назад дневник заставили Катрин повиноваться. Толкнув дверь рукой, она сделала несмелый шаг вперед. Кромешная тьма встретила прямо с порога, словно Катрин попала не в квартиру, а в подвал.

– Закрой за собой дверь! – голос шел откуда-то издалека. До Катрин доносились только его глухие отзвуки, будто здесь были не стандартные пятьдесят квадратных метров, а все двести.

Девочка тихонько закрыла дверь, и тьма тотчас же растаяла, превратившись в полумрак.

«Должно быть, здесь тоже датчики шума», – подумалось ей.

Перед Катрин возник длинный коридор с дверями по обе стороны, размер которого не укладывался в голове. В доме не могло быть такой планировки! Если зайти в квартиру Катрин, то сразу попадаешь в небольшую прихожую, справа – кухня, слева – спальня родителей, прямо – комната Катрин и санузел. Все квартиры в здании одинаковые, так что никаких коридоров быть не могло, да и потолки... Стены в квартире соседки оказались нереально высокими – метра три с половиной, то есть примерно вполтину выше, чем дома у Катрин.

«Когда она успела купить полдома и перепланировать его?» – задумалась девочка, глядя на все это.

– Ты долго еще будешь там стоять? У меня вообще-то дел сегодня выше крыши! – раздраженный голос шел из крайней двери справа, третьей по счету.

Преодолев легкое оцепенение, Катрин наконец сделала шаг – паркет под ногами недовольно скрипнул. Она медленно продвигалась вперед, осматриваясь по сторонам. Коридор был узким, унылые полосатые обои цвета венозной крови отклеивались по швам.

«Наверное, ремонт здесь не делался со времен бабушки-одуванчика», – говорил внутренний голос Катрин.

В голове мутилось от стоявшего в воздухе тяжелого запаха лекарств, перемешанного с ароматом сладких духов. Катрин добралась до первой двери и осмотрела ее. Поверхность – деревянная, вся в царапинах, словно ее долгое время возили по бетону. Облупившаяся краска осыпалась вниз и скапливалась на полу бежевой пылью. Катрин прислушалась. За первой дверью кто-то ходил, скрипя половицами, и тихо бормотал. Девочка попыталась разобрать слова,

но это оказалось невозможно – звуки никак не связывались между собой и напоминали лепет умственно отсталого.

– Я считаю до трех. Если ты сейчас же не войдешь, можешь выметаться к чертовой матери! Точнее, к *своей* матери! – раздался гневный крик девушки, показавшейся из дальней двери.

Катрин повернулась на крик и краем полуслеплого глаза заметила удаляющуюся в комнату фигуру. Ей показалось, что хозяйка квартиры была... голой. Катрин сглотнула подступившую от волнения слюну и пошла в сторону открытой двери, из которой в коридор просачивался тусклый дневной свет. Через пару секунд из комнаты раздалось противное:

– Ра-аз!

Подойдя к комнате, Катрин осторожно потерла вспотевшие ладони и, собравшись с духом, заглянула внутрь.

«Что за хренотень?!» – девочка чуть было не сказала это вслух.

Комната оказалась просто огромной. Такой огромной, что если у противоположных стен поставить ворота, то вполне можно было бы играть в мини-футбол. Катрин дошла до середины помещения и начала осматриваться. Следующее, что бросилось в глаза – бесконечное множество книг. Они жались вплотную друг к другу на стеллажах, лежали стопками на тумбочке. Пыльные тома с незнакомыми названиями на корешках смотрели на Катрин с антресолей, и даже на полу валялось немало фолиантов.

В дальнем углу комнаты расположился тот самый дубовый стол, на котором в день первой встречи Катрин с соседкой лежало несколько толстенных томов и стояла пара бокалов, наполовину заполненных красной жидкостью. Точно такой же бокал блестел на подоконнике, в нем жидкости было чуть больше, и еще один стоял на...

«Камин?! В самом деле, что ли?!»

В перепланировку комнат еще можно было хоть как-то, с натяжкой, но поверить. А камин! Самый настоящий, кирпичный, в котором так задорно потрескивают крючковатые поленья – здесь, на третьем этаже многоквартирного дома? Это уже перебор.

Широкая дымоходная труба врезалась прямо в потолок и, судя по всему, проходила через соседские квартиры на крышу. Но Катрин готова была поклясться, что из крыши их дома никогда не торчала труба и не шел дым. Над камином сушились различные цветы и травы, от которых исходил тот самый аромат лекарств. Все это было невероятно, уму непостижимо. Катрин подумала, что она, должно быть, надышалась этими запахами: «Травы, наверно, галлюциногенные».

Внутренности девочки от волнения сжимало, как после первого в жизни глотка тяжелого алкоголя. Ей захотелось как можно скорее сбежать прочь из этой странной квартиры и никогда больше не возвращаться. Она повернулась к двери и уже хотела было выйти, но тут увидела свой дневник. Его держала хозяйка квартиры, вальяжно развалившаяся на небольшом красном диванчике справа от входа. Катрин не показалось – девушка действительно была абсолютно нагой.

Без толики смущения, закинув ногу на ногу, она читала содержимое дневника, попивая напиток (должно быть, вино) из бокала и даже не обращая внимания на то, что Катрин смотрела на нее изумленным взглядом.

– От-отдай, отдайте мой дневник! – наконец выдавила из себя Катрин дрожащим голоском.

– Подожди немного, я заканчиваю, – сказала девушка и, перевернув страницу, сделала глоток.

Ярость вдруг вытеснила все остальные чувства Катрин, а потом так же резко переполнила ее.

– Отдай, я сказала! Отдай немедленно! Ты, сука чертова! – хриплый от сигарет голос девочки звучал неестественно высоко и истерично.

Она подбежала к дивану, но хозяйка квартиры, даже не повернувшись, плеснула вином прямо в лицо Катрин. От неожиданности девочка ахнула и остановилась.

– Остынь, истеричка малолетняя!

Соседка встала с дивана и сделала шаг к девочке. Та машинально отступила назад, губы ее предательски задрожали.

Катрин молчала. Она ненавидела эту мадам за то, что она заставила ее прийти сюда, за то, что так бесцеремонно читала ее личный дневник; она ненавидела ее за невероятную красоту и сексуальность, а также за то, что та плеснула ей в лицо вином. Ей хотелось схватить фужер со стола и, разбив его, полоснуть эту стерву прямо по ее идеальной коже. Катрин дернулась было в сторону, но тут девушка что-то быстро протараторила себе под нос, и гостью парализовало с головы до пят. Руки, ноги, каждый сустав, все до единого пальца отказывались подчиняться. То же касалось и рта Катрин. Она пыталась кричать, но все, что девочке удавалось выдать из себя, было похоже лишь на гневное мычание.

– Я подожду, пока ты будешь готова к нормальному диалогу. А это, – соседка помахала перед застывшим лицом Катрин ее же дневником, – я куплю у тебя.

– Нет, – промычала Катрин сквозь плотно сомкнутые зубы.

– Это не было вопросом. Я даю тебе пять тысяч и оставляю этот бред себе, – спокойно продолжила хозяйка странной квартиры.

– Я сказала нет! – нетрудно было догадаться, что Катрин произнесла именно это.

– Хорошо, торгашка неуклюжая, пятнадцать тысяч. За эти деньги твоя чертова мамаша готова будет тебя саму продать мне.

– Нет! – девочка наконец смогла разомкнуть губы. – Ни двадцать, ни тридцать, ни сто. Отдай мой дневник, *быстро*, иначе я всем расскажу, что ты торгуешь наркотиками!

– Наркотики? – ухмыльнулась голая девица. – Смотрите-ка, какая шантажистка. Ты чего так вцепилась в эту ересь? Завтра напишешь еще – чего так переживаешь? Я никому не скажу, что здесь. – Но увидев, что Катрин не поддается на уговоры, женщина сдалась. – Хорошо. У меня есть цена, подходящая для тебя.

Девушка медленно подошла к Катрин, и та поморщилась, словно к ней приближалась больная облезлая крыса. Хозяйка квартиры с интересом разглядывала перекошенное злобой лицо гостьи, затем убрала пальцами волосы со слепого глаза и вдруг ни с того ни с сего смачно плюнула прямо в него. Катрин ахнула.

– Ну все, стерва, тебе конец!

Хозяйка вновь проговорила непонятные слова, которые заставили девочку заткнуться. Слюна противно стекала по лицу, но Катрин не могла пошевелиться.

– Чертова ведьма, что ты со мной сделала?! – неразборчиво мычала девочка.

Катрин безуспешно пыталась проморгаться, но слюна была такой густой, что залепила весь глаз и противно стягивала его. Девочка испугалась не на шутку, когда та часть мира, что была бесцветной и мутной, как стекло в старом трамвае, резко покраснела. Ей показалось, что это кровь, и глаз вытекает наружу. Через секунду к красному добавился еще один цвет, а после – еще и еще. Постепенно линии мира становились четче, вырисовывались контуры, пелена отступала, картинка становилась шире.

– Не может... Не может быть!

Когда зрение было полностью восстановлено, соседка снова произнесла что-то непонятное, и к девочке вернулась власть над собственным телом.

– Не за что, – брезгливо фыркнула хозяйка и уселась на диван.

Катрин была в таком шоке, что у нее невольно выступили слезы – это просто невероятно... Глаз... Он снова видел! Но как такое возможно?!

– Ты что – ведьма?!

– Мать твоя ведьма, – спокойно ответила девушка, продолжая листать дневник Катрин.

Та пропустила мимо ушей оскорбление и занялась разглядыванием своего окружения. Это было так странно – снова видеть мир в его полной версии.

– Все? Я могу оставить это себе?! – спросила соседка, чуть приподняв дневник.

Катрин молча кивнула, а затем спросила:

– Зачем он вам?

– Просто так. Люблю читать всякие сопли, да и тебя хочу спасти от всей грязи, что здесь описана.

– Это моя жизнь, – обиженно буркнула Катрин.

– Поэтому я и хочу тебя уберечь. Ты сама-то дневник читала? Полный аут...

Катрин молчала, все еще находясь в шоке от всего произошедшего.

– Возьми фужер на столе и иди сюда, поболтаем.

Катрин послушно развернулась и подошла к столу. Она схватила фужер и направилась к дивану. Внутри бокала плескалась рубиновая жидкость, которая щекотала нос сладким запахом ягод и, кажется, дождя. Хозяйка квартиры поджала колени к груди, и Катрин села у нее в ногах.

– Пей!

Катрин неуверенно поднесла бокал к губам и сделала небольшой глоток. Это было вино, но очень странное: непривычно вкусное, не отдающее спиртом и совсем не похожее на то, что Катрин и ее друзья покупали в литровых коробках в местном магазине.

– Нормально выпей. Я не могу разговаривать с тобой, пока ты так напряжена.

Катрин сделала несколько долгих глотков, и жидкость быстро побежала по горлу, разогревая сначала его, а затем и желудок. Девочка почувствовала, как усталость уходит. Плечи ее расправились, в груди словно рассосался ком. Катрин сделала первый глубокий вдох и ощутила, что тело ее стало легче, а мысли – четче.

– Совсем другое дело. Вкусно?

Катрин лишь громко выдохнула в ответ.

– Почему у вас в квартире камин?

– Давай так. Меня зовут Вероника, можно просто Вера. Обращайся ко мне по имени и на «ты» – я же не бабка старая.

Катрин всегда думала, что уменьшительное от Вероники будет Ника, но, видимо, ее новой знакомой больше нравилось так. Что ж, Вера так Вера.

– Камин здесь потому, что мне так уютно: я не вижу смысла не иметь чего-либо, если оно мне нужно.

– Вы, наверное... – Катрин не успела закончить, потому что Вера погрозила ей пальцем. – Извини. Ты, наверное, очень богата, раз можешь поставить у себя дома камин?

– Богата? Деньги – для тех, кто ничего не может добиться самостоятельно. Мне не нужно быть богатой, чтобы иметь камин – я вполне могу поставить его, где и когда захочу, без помощи этих грязных бумажек.

– Ты же не продаешь наркотики? – Катрин понимала, как глупо звучит этот вопрос, но не могла не спросить.

Вера лишь помотала головой и негромко хихикнула.

– На что же ты тогда живешь?!

– Живу на полную катушку. Шутка, – она не стала дожидаться реакции и продолжила: – На самом деле мне не нужны деньги в принципе. Моя помощь стоит гораздо дороже, чем какие-то бумажки, и люди готовы делиться со мной самым ценным – тем, что не купишь ни за какие миллионы.

Девочка сделала еще пару глотков из бокала.

– Вижу, что ты пока ничего не понимаешь из того, что я говорю. Давай, я начну по порядку. Допустим, для перемещения по миру не всегда нужен транспорт, значит, не нужны и деньги, чтобы этот транспорт оплатить. Вот, например, мы сейчас не там, где ты думаешь.

– В каком это смысле?! – Катрин нахмурилась. Она не любила, когда из нее делают дурачку, а сейчас, кажется, происходило именно это.

– В прямом. Иди и посмотри в окошко.

Катрин встала с дивана и медленно подошла к окну. Из него в комнату лился яркий свет, хотя синоптики накануне обещали пасмурную погоду. Девочка медленно отвела в сторону красивый кружевной тюль и увидела за стеклом огромное снежное поле. Солнце искрилось на белой поверхности и слепило глаза. Вдалеке виднелась длинная полоска хвойного леса, спящего под снежным покрывалом.

– Ах, – она не смогла сдержаться и прикрыла рот рукой. – Куда делся наш двор?! Это картинка?!

– Нет, это Норвегия. У меня здесь дом, а это – одна из его комнат.

– Не может быть, – шептала Катрин, трогая пальцами теплое стекло.

– Может, поверь мне. И это лишь часть того, в чем тебе предстоит разобраться.

«Потрясающе», – Катрин начала водить рукой по оконной раме в поисках ручки.

– Не-а, ничего не выйдет, дорогуша, это окно по-прежнему ведет в твой родной Мухоморск.

– Но я же вижу пейзаж за окном – там явно не мой город! – не поверив, Катрин все-таки повернула ручку, и в комнату тотчас ворвался запах родной улицы.

Она выглянула в окно и увидела, что находится на третьем этаже своего дома, от стен которого кусками отваливается штукатурка. Катрин закрыла окно, и за ним снова появилась сказочная белая страна. Она еще некоторое время любовалась чудесным видом, как завороченная, а затем повернулась к Вере и серьезно спросила:

– Это ведь все не взаправду, так? Ты разыгрываешь меня, издеваешься?

– Поверь, у меня есть дела поважнее, чем пытаться «развести» малолетнюю соседку.

Аргумент звучал убедительно. К тому же сотворить подобного масштаба декорации только ради Катрин было бы самым дурацким занятием за всю историю приколов.

– Тогда зачем я здесь? – сурово спросила девочка, не видя смысла во всем этом представлении.

– Будешь моей помощницей.

– Что?!

– Я повторять не стану – ты все слышала и поняла.

Катрин испугано замотала головой.

– Нет-нет-нет, – повторяла она, растерянно стреляя двумя здоровыми глазами по огромной комнате.

Вера встала с дивана. Подойдя к шкафу, она достала оттуда легкое прозрачное платье и накинула его на себя, затем переместилась к камину и, сорвав один из высушенных цветков, кинула его в пламя. Комната наполнилась ярко-синим светом, словно кто-то включил специальный прожектор для дискотеки. Девушка поманила Катрин пальцем. Та сжала зубы, словно тиски, и снова замотала головой.

– Да что ты как маленькая, иди сюда, я тебя не укушу, – закатила глаза Вера.

Катрин сглотнула сухой ком и на ватных ногах шагнула в сторону камина. Когда она оказалась совсем близко, Вера взглядом указала на огонь, и Катрин настороженно заглянула в камин. Там, в языках синего пламени, Катрин увидела себя, но... лицо лишь отдаленно напоминало ее собственное – то есть то лицо, что девочка получила при рождении. В огне была его улучшенная версия, словно доработанная рукой пластического хирурга: идеально ровные пропорции носа и скул, аккуратный маленький нос, а не тот «клюв», который девочка унасле-

довала от отца. Глаза у ее двойника были большие, красивой миндалевидной формы, а взгляд утратил бешеный огонек подросткового бунтарства и невежества – он стал мудрее и увереннее, словно Катрин прожила целую жизнь. От прыщей, угрей и прочей гадости не осталось даже мельчайших рубцов. Кожа выглядела здоровой и подтянутой, нет, не так – она выглядела идеально.

Щеки настоящей Катрин тронула краска смущения, когда она опустила взгляд на те аппетитные женские формы, которыми обзавелось ее отражение. Все это явно не походило на естественное взросление тела. Ведь Катрин от природы была достаточно худой. Она прекрасно понимала, что для обладания подобным размером груди мало есть капусту и ходить в спортзал – такие результаты достигаются только на хирургическом столе.

Но больше всего, как ни странно, цепляли взгляд пышные черные волосы, которые прекрасно заменили те скользкие редкие «макароны», что сейчас торчали из головы Катрин.

Вера наклонилась к ней и прошептала на ухо:

– Будешь мне помогать или нет? Считаю до трех: раз, два...

– И что за помощь от меня требуется?! – не сумев сдержать любопытства, выпалила девочка.

На лице Веры заиграла улыбка победительницы. Девушка протянула руку, чтобы погладить Катрин по голове, но та отстранилась.

– Во-первых, если ты согласна, то отныне должна будешь полностью доверять мне и слушаться меня, договорились?

Катрин хотела было открыть рот, чтобы отказаться, но поняла, что уже поздно – она попала на крючок Веры. После всего, что произошло за последние полчаса, и того, что она увидела в камине, отклонить предложение было невозможно, и девочка не стала даже пытаться. Она решила, что способна хотя бы раз обуздать собственные эмоции, тем более что, учитывая волшебное восстановление зрения, игра стоила свеч.

– Договорились, – Вера снова протянула свою белую тонкую руку и погладила Катрин по голове, словно послушную собачонку.

Девочка в ответ лишь негромко фыркнула, но в этот раз не отстранилась.

– Это никуда не годится, – поморщилась Вера, схватив пальцами прядь засаленных жидких волос. – Прежде чем ты будешь готова мне помогать, тебе нужно что-то сделать с этим убожеством.

– Мне голову помыть?! – обиженно бросила Катрин, не понимая, как это может чем-то помочь.

– Да, – Вера грациозно пробежала по комнате на носочках и достала с верхней полки комода флакон. – Вот, пару раз намыль этим волосы и посмотри какие-нибудь видео, где учат, как правильно пользоваться косметикой. Я не потерплю в своем доме пугало.

Ноздри Катрин раздувались от возмущения, но она лишь спросила:

– Это все? Может, еще французский выучить?

– Ага, – ответила Вера, уже начав заниматься каким-то своими делами. – Я дам знать, когда ты мне понадобишься, только не затягивай со своим внешним видом, иначе я пересмотрю свое решение. И еще кое-что...

– Значит, все-таки, французский? – Катрин внимательно смотрела на Веру.

– Без моего ведома двери в моей квартире не открывать, ты поняла? Поняла, я спрашиваю?! – пропустив мимо ушей шутку Катрин, рявкнула Вера.

– Поняла, поняла!

– Вот и славно. Давай, иди, мне нужно заниматься делами.

Катрин вышла из комнаты и побрела в сторону выхода. Проходя мимо странной обшарпанной двери, она услышала легкое завывание. Тому, кто находился внутри, кажется, было совсем несладко – от этих звуков тряслись поджилки.

«Может, стоит вызвать полицию?» – подумала девочка, остановившись на секунду, но быстро отмахнулась от этой мысли и поспешила на выход.

Когда Катрин открыла дверь, на пороге уже стоял мужчина в пыльно-сером костюме и с дурацким полосатым галстуком. Он вылил на себя целый флакон одеколона, чтобы перебить запах пота, но это только ухудшило положение. «Запахок не ахти», – мысленно оценила девочка. На вид мужчине было лет тридцать-тридцать пять, выглядел он неважно, даже болезненно, в руках у него увядал букет синих ирисов. Он посмотрел на Катрин, а затем перевел взгляд ей за спину, откуда слышался томный голос Веры:

– Входи!

Мужчина беспардонно толкнул Катрин и, наступив ей на ногу, прошел в квартиру.

– Осторожнее! – рявкнула девочка, а затем еле слышно добавила: – Слепой козел. – И, закрыв за собой дверь, направилась домой.

– Ты где была? – крикнула ей мать из комнаты.

– Гуляла! – буркнула Катрин, подумав: «Не твое дело».

Не желая больше разговаривать, она пошла напрямик в свою спальню.

– Ты зачем к этой проститутке ходила?! – продолжала противно брюзжать мать, перекивая пьяный храп отца.

– Дневник забирала! – уже из комнаты ответила Катрин.

– Чтоб больше ни шагу в эту квартиру, ты меня по-ня-ла?

– По-ня-ла, – передразнила Катрин мать и закрыла дверь.

Весь вечер девочка провела, крутясь перед зеркалом и рассматривая себя обоими глазами. Она была так взволнована чудом, что никак не могла наглядеться. Теперь вся жизнь изменится. Больше не нужна длинная челка, можно легко попробовать новые прически – такие, что не будут закрывать половину лица.

При мысли о прическах Катрин вспомнила, что новая соседка дала ей перед уходом. Станный стеклянный флакон с пробкой не внушал доверия. Жидкость внутри была тягучей, липкой, странно пахла и не вызвала желания наносить ее на голову. К тому же мать принесла какой-то новый шампунь, судя по всему, из магазина, а не тот, что она обычно покупает на рынке. Переполненная сомнениями, Катрин помыла голову обоими средствами и, как обычно, не расчесываясь, легла спать.

Утро встретило ее весьма неоднозначно. Голова гудела, как после портвейна и пачки сигарет, выкуренной за один вечер. Свет резал глаза; особенно болел тот глаз, который таинственным образом прозрел.

«Что за дрянь я вчера пила?» – крутилось в голове у девочки.

Первым делом Катрин направилась в ванную, чтобы перебить зубной пастой томившийся во рту привкус болота. Над раковиной висело грязное от разводов зеркало, которое обычно показывало одни и те же картины. Но сегодня, когда Катрин выдавила на щетку остатки пасты из скрюченного тюбика и, обнажив зубы, посмотрела на свое отражение, зеркало показало что-то новенькое. Катрин замерла. На секунду ей показалось, что это кто-то другой смотрит на нее из-за стекла, но, прикрыв пару раз рот и заново его открыв, а затем протерев стекло, девочка убедилась, что отражение было ее собственным.

– Ты там давай, не засиживайся, мне на работу пора, – постучалась мать в дверь.

Помятое, немного прыщавое и по-детски наивное лицо по-прежнему принадлежало Катрин, но вот волосы явно были не ее. Вместо мелированных тонких соломинок на голове в разные стороны торчали пышные, черные как ночь колтуны. Катрин подергала за волосы и, убедившись в том, что это не парик, начала рыскать по полкам в поисках расчески.

– Что за девка растет? Лучше бы я ее оставила тогда в роддоме. Вся в этого алкаша – ни мозгов, ни уважения, – слышался голос матери.

– Да выхожу я, выхожу! – обиженно отозвалась Катрин и открыла дверь. Но матери снаружи не оказалось.

Девочка вышла из ванной и огляделась по сторонам – никого. Тогда она пошла в комнату родителей и увидела мать, курящую на балконе. Между ее пальцами был зажат догорающий окурок, значит, она курила минут пять, не меньше. Но как же тогда Катрин услышала, что та про нее сказала? Да еще и так отчетливо, словно мать была прямо за дверью... Показалось, наверное.

Катрин вернулась в ванную и принялась расчесывать то, что поселилось на ее голове. Через пятнадцать минут кряхтения и вскриков (с непривычки девочка дергала расческой слишком сильно) бесформенный шухер превратился в королевскую гриву. Сильные, как канаты, и невероятно красивые волосы черными волнами ниспадали на плечи. Катрин смотрела на них и не могла понять, как такое возможно. Это невероятно, просто с ума сойти: сначала – глаз, теперь вот – роскошная шевелюра!

На всякий случай не показываясь матери, Катрин сгребла со стола в портфель все свои ученические принадлежности и хотела было кинуть туда же дневник, но с грустью вспомнила, что он больше ей не принадлежит.

«Начну новый», – решила она и, обувшись, вышла из дома.

Катрин училась на парикмахера в лицее неподалеку. Профессия не очень волновала ее, главное, что лицей находился рядом с домом, и там учились ее подружки со школы.

Самая короткая дорога пролегла через гаражи, где Катрин и ее друзья частенько зависали. Если тебе нет восемнадцати и неохота цапаться с полицией из-за бутылки пива или сигареты, то не существует лучше места, чем гаражи – так рассуждали все местные подростки вроде Катрин. Но подобные мысли были и у пьяниц, и у бомжей, и у прочих представителей маргинальной прослойки общества.

Перед занятиями Катрин и ее лучшая подруга Нина всегда встречались возле единственного кирпичного гаража, на котором не было живого места из-за рисунков и надписей, оставленных малолетними «художниками» с «нестандартными взглядами» на искусство. Обычно главной своей задачей каждый дворовый пацан считал изобразить фаллический символ – подобные картины были самыми популярными. Притом пропорции, как правило, соблюдались редко, каждый рисовал по своему усмотрению и старался как можно ярче выделить свой «шедевр». Это было своего рода негласное соревнование среди районных художников. А кирпичный гараж – самое популярное «полотно», где подобных рисунков было больше всего.

– Эй, подруга, ты чего это? Паричок прикупила? – поджигая зажатую в губах сигарету, приветствовала подругу Нина.

– Не-е, мои. Круто? – Катрин встала рядом и, достав из портфеля сигарету, потянулась к Нине за огоньком.

– Типа натуральные, что ли?

– Типа да.

– Ты у нас теперь жгучая брюнетка?

– Завидуй молча.

– Пошла ты.

– Сама пошла, коза.

Подруги улыбнулись друг дружке и молча сделали по паре затяжек.

– Че там сегодня у нас? – выдохнув через нос горький дым, поинтересовалась наконец Нина.

Глядя куда-то перед собой и словно не слыша подругу, Катрин помотала головой – она думала сейчас о чем угодно, только не об учебе.

– Я слышала, по моделированию контроша. Может, не пойдем?

Катрин молчала, а в голове у нее крутились картины вчерашнего дня и куча вопросов, главным из которых был следующий: как объяснить матери новый цвет волос?

– Эй, – Нина пощелкала пальцами перед лицом Катрин, привлекая внимание подруги, – цыганская принцесса, ты давай, спустись на землю-то, а то совсем потеряешь с ней связь.

Катрин слегка встряхнула головой, отгоняя мысли, словно назойливых мух, и, увидев на лице подруги раздраженное недоумение, медленно ответила:

– Давай не пойдем, – и, затушив сигарету о железные гаражные ворота, которые уже были черными от пепла, выкинула ее в кусты, где за долгие годы скопилась целая гора окурков. – Ну что, в путь?

– Ага, – Нина улыбнулась подруге, и они двинулись в сторону лица.

«У высокой – зад как орех», – донеслось откуда-то.

Катрин остановилась и повернула голову.

– Ты чего? – испуганно спросила Нина.

– Тут кто-то есть.

– Где?!

Катрин пожала плечами.

– Я что-то слышала.

– Шутишь?

«Костлявая – как вобла, а вот у кудрявой – все как я люблю: и титьки, и задница – полный комплект. Я бы ее прям тут, не раздумывая», – снова послышался чей-то голос.

От ужаса, охватившего Катрин, глаза девочки полезли на лоб, а губы начали дрожать – так бывало всегда, когда она нервничала. Она заметалась из стороны в сторону и, подняв с земли осколок кирпича, замахнулась им.

– Кэт, ты чего? – Нина беспокойно дернула подругу за куртку.

– Кто это сказал? – тихонько прошептала Катрин.

– Что сказал? Тут никого нет, у тебя просто крыша едет. Бухать надо меньше.

Катрин смотрела по сторонам, но, кроме облезлых кустов и нескольких покосившихся железных гаражей, здесь ничего не было.

«Больше я сюда ни ногой», – тревожная мысль проскочила в голове Катрин и превратилась в армию мурашек, пробежавших по спине.

Оставив гаражи позади, подруги пошли дальше. Но вместо привычных утренних сплетен сегодня на повестке дня было молчание. Нина заметила, что Катрин, мягко говоря, «не в себе», а еще и эта резкая смена образа...

«Лучше ее не трогать, – голос Нины прозвучал в голове Катрин. – Совсем чудная стала. Наверное, краска для волос все мозги проела. Может, она думает, что теперь Влад ей в ноги бросится? Вот бы показать ей то любовное СМС от него. Представляю, как она охренела бы! Но нет, лучше припасу до ссоры».

Катрин нахмурилась. Она видела, что рот подруги все время был закрыт, но Катрин точно знала, что та не молчит – просто слова ее были не предназначены для «широкой публики».

«Что эта Вероника со мной сделала?! Я что, могу теперь читать чужие мысли? Если так, то я просто в шоке. Нина, ты же моя лучшая подруга, как ты могла...»

Всю дорогу до лица Нина что-то рассказывала о себе и своих родителях, вспоминала прошлые выходные, которые они с Катрин провели вместе, и пыталась развеселить подругу, но та лишь отмалчивалась либо отвечала максимально коротко.

Девочка чувствовала, как новый цвет волос привлекает внимание всех вокруг, но то, что она слышала от окружающих, сильно отличалось от того, что они думали на самом деле.

– Привет, Кэт, ну это – прям вау! Ты чего это вдруг в черный решила? Не, ну тебе прям ваще супер!

Вот так звучала реакция ее знакомой Надин. Но до Катрин дошли и мысли девушки:

«Черный? Дорогая, серьезно? Ты бы еще тенями синими намазалась – была бы сама Мисс дерзость и сексуальность».

Каждый раз, когда Катрин подходила к той или иной девушке из своего окружения, мысли встречали ее быстрее, чем улыбки и приветствия:

«Смотрите, опять пытается выделиться. Вот куда ей столько внимания?»

«Ненавижу ее за то, что ей все *так* идет!»

«Мусорный пакет на голову натянет и все равно будет красивой!»

От парней негласные комментарии были куда менее злобными и вполне ожидаемыми – вся их энергия и мысли, как обычно, исходили от чрезмерно выпирающего «либидо». Своей примитивностью они не сильно обижали. Но Катрин сделала вывод, что ни с одним из них теперь точно не станет заводить отношений. Встречались, конечно, и позитивные намерения, но те мальчики, которые адресовали девочке свои восторженные мысли, мало волновали ее, и им не было места в жизни Катрин.

За один день весь окружающий мир и люди в нем стали выглядеть совершенно иначе. Вместе с восприятием мира менялось и настроение Катрин; если быть точным, оно падало куда-то ниже плинтуса.

Потрепанный вид старых преподавателей мог бы говорить о скудости их желаний и мыслей, но на самом деле совершенно не соответствовал тому, что творилось у них в душе. Многие из этих пыльных экспонатов с указкой в руках оказались куда более сумасшедшими в своих безудержных фантазиях, чем студенты. Мысли преподавателей смущали и беспокоили, от их глаз хотелось спрятаться. Как будто скелеты вываливались из шкафов, когда девочка проходила мимо. Катрин слышала, *что* грызет черепушки людей изнутри. Здание было заполнено алкоголиками, извращенцами, потенциальными маньяками и самоубийцами. И речь шла не только об учителях. Даже сопливые первокурсники были растревожены проблемами, от которых леденела душа.

Катрин чувствовала, как все вокруг пропитано грязными мыслями и желаниями, и ей хотелось умыться и сбежать прочь. Она понимала, что и сама не ангел, и подобные гадкие мысли бурлят внутри нее постоянно. Но одно дело, когда ты слышишь свой внутренний голос, и совсем другое – когда ты слышишь внутренние голоса *десятков* других людей. Никогда еще ей не было так одиноко.

«До чего же это отстойно – читать чужие мысли».

Сразу после занятий Катрин взмахом руки распрощалась со всеми и наотрез отказалась от предложения Нины зависнуть в торговом центре.

– Да что с тобой сегодня такое? Почему ты так странно себя ведешь, что я тебе сделала?! – напала Нина на подругу возле женского туалета.

– Ничего. – Катрин не умела скрывать обиды, и прямо сейчас ее лицо отлично это демонстрировало.

– Что значит – ничего? У тебя такой вид, будто я тебе в портфель нагадила! Не разговариваешь весь день, ведешь себя как цаца какая-то. Я вообще не понимаю, что произошло! Ты можешь нормально сказать?!

Нина напирала на Катрин, изображая обеспокоенную подругу, но Катрин с легкостью читала ее мысли. Она знала, что за дружеской маской, за встревоженным лицом, которое Катрин считала самым родным на свете, скрывается предательница, которая долгие годы сидела клещом у девочки на шее. И теперь с дружбой все было кончено.

– Мне пора домой, – оттолкнула Катрин бывшую подругу, преградившую ей путь, и направилась в сторону выхода.

«Ну и хрен с тобой!» – раздался громким эхом мысли Нины.

А может, это было сказано вслух.

Катрин сделала крюк – дорога через гаражи отныне была для нее закрыта. Девочка молча шагала, шаркая ногами по ухабистому асфальту. Сегодня на ее голову свалился целый «КамАЗ» информации – тяжелой и неприятной. Соленые слезы обжигали щеки. Катрин была в одном шаге от того, чтобы разрыдаться и забиться куда-нибудь в темный угол до конца своих дней.

Поднявшись на свой этаж, девочка вытерла слезы рукавом и, не заходя домой, постучала в квартиру номер тридцать пять. Старая дверь приоткрылась, и Катрин зашла внутрь.

– Вера, ты дома? – позвала с порога девочка, не решаясь пройти вглубь квартиры.

Ответа не последовало.

– Нам нужно поговорить, – предприняла она еще одну попытку, без конца утирая глаза и нос.

– У-у-у-у, у-у-у-у! – вдруг замычал кто-то из-за странной облезлой двери. Звук был такой, словно в рот человека был вставлен кляп, и этот человек звал на помощь.

Катрин от испуга вжалась в стену.

– У-у-у-у-ху-ху-ху... – плакало невидимое существо, скрытое дверью и стенами.

Катрин подошла поближе и прижалась ухом к шершавой поверхности: двери открывать нельзя, но слушать-то через них можно... Тяжелое сухое дыхание пленника и его стоны наполняли комнату. По спине Катрин пробежала стая мурашек, и все тело покрыла влажная пленка пота.

– Ты что здесь делаешь?!

Катрин отпрыгнула в сторону, словно ее ударило током. С лестничной клетки в приоткрытую дверь на нее таранилась мать. Женщина держала в руках два огромных пакета. Катрин моментально выскочила в коридор, так громко хлопнув дверью, что окна в подъезде зазвенели. Девочка растерянно смотрела на мать, не имея ни малейшего представления о том, как ей оправдаться.

– Что ты с собой сделала?! – устало, но зло процедила сквозь зубы женщина.

– Я решила покраситься...

– Что-что ты решила?! Я тебе, по-моему, еще про твоё мелирование сказала, что это было в последний раз, а ты, дрянь такая, решила мне наперекор пойти?! – мать не сдерживала себя, ее крики эхом разлетались по всем этажам. – И я же тебе говорила, чтобы ногі твоей в этой квартире не было!

– Я хотела спросить, работает ли у нее интернет...

– Что ты мне лапшу на уши вешаешь? Я все оплатила вовремя!

– Он не работал... – продолжала оправдываться девочка.

Тут мать резко поставила пакеты на пол, внутри что-то звякнуло. Она двумя шагами пересекла лестничную площадку и занесла руку, чтобы позвонить в дверь.

– Ты что делаешь?! Я же сказала, что просто зашла спросить про интернет, – испуганно тараторила Катрин.

– Ну-ка, живо домой! – гаркнула мать и начала шарить рукой по двери в поисках звонка, но его не было.

Тогда женщина нервно забарабанила по полотну двери, как обычно барабанят недовольные соседи, разбуженные громкой музыкой в час ночи. Катрин умоляла мать прекратить, но та лишь повторила приказ:

– Быстро домой!

Катрин не послушалась. Наконец что-то щелкнуло и дверь медленно провернулась на петлях. На пороге появилась Вера в совершенно неузнаваемом образе. Она была одета на манер офисной работницы: модный черный пиджак, блуза, заправленная в подвернутые снизу брюки. Завершали образ стильные очки и волосы, собранные в конский хвост. Судя по выражению лица девушки, неожиданная гостья очень ее удивила.

– Слушаю, – спокойно сказала Вера, словно в это время у нее был назначен прием.

Мать смотрела на Веру вытаращенными глазами и, казалось, готова была взорваться от ярости – даже редущие на макушке волосы дрожали.

– Хватит трогать мою дочь! – наконец выпалила она, но уже не так громко, как до этого кричала на Катрин.

– Вашу дочь? – Вера посмотрела на съежившуюся за спиной женщины девочку. – С чего вы взяли, что я ее трогаю? Она пришла спросить про интернет, у нас в подъезде сегодня был обрыв, – голос ее звучал все так же спокойно.

Ноздри у матери раздувались и сдувались, как меха у гармони.

– Я не желаю, чтобы она здесь ошивалась, – было видно, что женщина еле сдерживается, чтобы не ввязаться в драку с соседкой прямо здесь и сейчас. Но все-таки что-то умирало ее.

– Она здесь не ошивается – я не принимаю гостей. У вас все?

– Что ты мне сказки рассказываешь, я сто раз видела, как к тебе заходили мужики! – тон повышался: кажется, мать снова начинала закипать.

– Это не гости и не «мужики», как вы выражаетесь. Это мои пациенты, я врач-психолог, квартира – это мой офис, а ваша дочь – не мой клиент. Я спрашиваю еще раз: у вас все?

Мать Катрин не ответила, лишь резко отвернулась и, добравшись до пакетов, рывком схватила их.

– Ты еще здесь?! – рявкнула она на Катрин, и та пулей вбежала в их квартиру. Мать зашла следом, и дверь захлопнулась.

Катрин приготовилась к продолжению скандала, но мать лишь молча сняла туфли и направилась напрямик на кухню разбирать пакеты. Женщина вела себя очень странно после разговора с соседкой, но Катрин не сильно это заботило – главное, что все закончилось. Правда, лучше какое-то время не показываться на глаза матери и, тем более, не выходить из дома. Катрин, конечно, все это понимала, но внутри нее пылало нетерпение: ей просто необходимо было как-то расспросить Веру про чтение мыслей. Как это сделать, не заходя в квартиру соседки, девочка не представляла.

Ночью на телефон Катрин пришло странное сообщение. СМС разбудило девочку, хотя спала она крепко. На экране телефона Катрин разглядела: «Измерь дверь своего шкафа». Вот и все: ни «привет», ни «как дела», а просто «измерь дверь своего шкафа». Катрин лишь сонно выругалась и, отключив телефон, вернулась в кровать. Только она закрыла глаза, как экран снова загорелся. Сначала Катрин подумала, что спит. Но быстро поняв, что это не так, схватила телефон со стола и прочла: «Измерь проклятую дверь шкафа!»

Делать было нечего – раз уж сообщения приходят на отключенный телефон, то стоит выполнить требования настойчивого абонента, иначе он не отстанет. Покопавшись в письменном столе, Катрин достала оттуда обгрызенную линейку и, приложив к двери, принялась измерять ее. Немного погодя она отправила информацию о полученных размерах в ответном сообщении. Через пару секунд пришло следующее: «Так не пойдет!»

«Ну извините!» – нервно нажимая пальцами на экран, написала ответ Катрин. Обозленная девочка легла спать, но теперь сон не шел, и она ворочалась в постели до самого рассвета.

Мать ушла на работу вскоре после восхода солнца. Когда Катрин открыла глаза, с улицы уже доносился шорох грубой метлы, которой отец царапал асфальт. Раздался звонок в дверь. Катрин нехотя встала с кровати и побрела проверять, кого черт принес в такую рань. На пороге ее ждал весьма неожиданный гость – небольшая обшарпанная деревянная тумбочка, пахнувшая полиролью и лекарствами. На ней лежала записка: «Для Катрин».

«Что это за фигня? Мне что, нужно это к себе в комнату тащить?»

Девочка посмотрела на дверь Веры, вспомнила слова соседки о доверии и согласии, а потом, глубоко вздохнув, поволокла подарок в квартиру.

«И куда мне тебя ставить? Зачем вообще тебя куда-то ставить?»

Комната Катрин была не самых больших размеров, а вечно царящий в ней бардак делал пространство еще меньше. В итоге тумбочка встала на место стула, жившего за кроватью и вечно заваленного одеждой. Этот внезапный подарок совершенно не вписывался в обстановку и тем самым раздражал, но делать было нечего. С другой стороны, в тумбочку можно засунуть часть барахла, что Катрин и решила сделать. Но не успела она открыть деревянную дверцу, как из нее тут же вырвался уже знакомый запах квартиры, в которой Катрин недавно гостила. Впрочем, помимо запаха, в тумбочке была и сама квартира – точнее, проход в нее. Стоило Катрин смириться с необъяснимыми вещами вроде чтения мыслей, перекрашенных волос и выключенных телефонов, на которые приходят СМС, как вдруг новые чудеса бесцеремонно ворвались в ее жизнь.

Тумбочка стояла на полу, но там, со стороны квартиры соседки, пол почему-то был гораздо ниже, словно проход висел в воздухе. Наконец изнутри послышался голос Веры:

– Тебе что, нужно особое приглашение?

Катрин несколько раз открывала и закрывала дверцу, проверяя, не привиделось ли ей все это. Затем она схватила с пола тапочки и кинула их внутрь. Из тумбочки раздалось глухое «шлеп» – обувь приземлилась на пол.

Походив немного взад-вперед и собравшись с мыслями, Катрин заперла на защелку дверь в свою комнату и полезла внутрь странной тумбочки. Девочка проползла головой вперед, но в итоге, увидев, что до пола со стороны Вериной квартиры остается примерно метр, поняла, что это была не лучшая идея. Кое-как перевернувшись, она начала спускаться ногами вперед. Приземлившись, Катрин поняла, что она вылезла из точно такой же тумбочки, но стоящей на столе в углу комнаты.

Вера сидела в красном велюровом кресле возле камина и, держа в руке глубокую деревянную тарелку, что-то медленно помешивала в ней ложкой.

– Ты когда-нибудь слышала о том, что нужно знать меру?

Катрин не поняла, к чему клонит Вера, и продолжала разглядывать странный портал между двумя комнатами.

– Ты слышала мой вопрос? – на этот раз голос Веры прозвучал немного раздраженно.

– А? – отозвалась Катрин, которая на самом деле все прекрасно слышала.

– Зачем ты столько вылила себе на голову? Хотя плевать – все лучше, чем было, только вот волосы будут лезть как грибы после дождя. Но это уже заботы парикмахера. Хватит торчать там, закрой дверцу и иди сюда.

Катрин послушно выполнила указания и, подойдя к Вере, встала напротив.

– Ну что, – продолжила соседка, не прекращая все так же медленно помешивать содержимое тарелки и не отводя от жидкости взгляда, – нравятся твои новые навыки?

В голове Катрин всплыли все эпизоды вчерашнего дня: особенно ее ранили те мысли, что она услышала в голове у бывшей подруги.

– Я потеряла всех своих друзей! Это было отвратительно! – проскрежетала сквозь зубы девочка.

– А ты разве не знала, что люди – дерьмо? – искренне удивившись, произнесла Вера, все еще помешивая что-то ровными плавными движениями.

– Знала, но мне было достаточно того дерьма, что из них выходило наружу. Незачем было копать глубже...

– Ну что ж, по-моему, ты просто еще не поняла всю прелесть того, что произошло. Но не беда, потом спасибо скажешь. Главное, что тебе нужно усвоить: друзей у тебя нет и никогда не было, никому ты не нужна, кроме как самой себе. Ну и, разумеется, мне.

Катрин нахмурилась – это были серьезные и непонятные ей заявления.

– Ты до сих пор не сказала мне, зачем я тебе понадобилась и как я научилась читать мысли, а уже говоришь о том, что я никому не нужна, кроме тебя.

– Разве? Вроде бы я все доступно объяснила, сказав, что мне нужна помощница.

– Помощница в чем?!

– Девочка, перестань повышать на меня голос – ты еще не доросла до этого права и вряд ли когда-нибудь дорастешь. А по поводу твоей помощи – ты здесь сейчас как раз для выполнения своих обязанностей.

Катрин с любопытством смотрела на сидящую в кресле Веру и ждала продолжения.

– Я почти закончила, а пока ты можешь спросить у меня по поводу подарка.

Катрин словно пришла в себя – за этими разговорами она совсем забыла о том, как оказалась в квартире. А ведь это было самое странное событие в ее жизни!

Не дождавшись вопроса, Вера продолжила:

– Дверца тумбочки, которую я прислала тебе, – это точная копия дверцы той, что стоит у меня на столе.

Катрин снова взглянула на стол и тумбочку. Вера продолжила:

– Открывая копию, ты открываешь оригинал и попадаешь туда, где он находится.

Катрин не могла найти слов.

– Это колдовство?!

– Пусть будет колдовство, раз так тебе понятней. Но лично я не люблю эти попсовые выражения, мне больше нравится слово «умение». Я умею делать копии дверей, ты тоже научишься, возможно...

– С окном та же история?! – Катрин взглянула в сторону окна, за которым, по словам Веры, находилась Норвегия.

– Почти. Я сделала только копию стекла. Но стекло не открывается, как дверь, а лишь передает изображение.

Катрин была поражена до глубины души, но старалась этого не показывать, хотя получалось у нее плохо.

– А что насчет чтения мыслей?

– Здесь все просто и скучно – ты всегда умела это делать.

Катрин смотрела на нее, как ребенок на родителей, которые наконец признались ему в том, что тот усыновлен.

– Видишь ли, тот шампунь лишь помог запустить спящий механизм. В нем содержатся некоторые ингредиенты – раздражители. Они-то и вытащили наружу твои врожденные способности, а заодно и доказали мне, что от тебя будет толк.

Все это звучало так наигранно и сказочно, что Катрин чувствовала себя полной дурой. Ей казалось, что Вера издевается, заставляет поверить в то, чего на самом деле нет, чтобы потом насмеяться и крутить пальцем у виска: «Колдовство? Врожденные способности? Ты что, правда, поверила во всю эту чушь?»

Наконец Вера закончила помешивать содержимое тарелки и, встав с кресла, подошла к Катрин. Глядя с нескрываемым удовольствием в смущенные глаза своей гостьи, она дала ей эту тарелку. Внутри оказалась обычная прозрачная вода.

– Что мне с этим делать?

– Разлей в кружки на столе. Но сперва надень это, – Вера указала пальцем на костюм, висящий на дверце шкафа.

Наряд состоял из модной серой юбки, такого же цвета пиджака с двумя пуговицами внизу и черного короткого топа. Рядом друг к другу жались модные туфли на высокой платформе (на ценник подобных Катрин обычно даже не глядела, разгуливая по магазинам). В целом этот костюм был похож на то, во что была одета сама Вера, но выглядел немного вульгарнее и даже чуточку лучше, а значит, был полной противоположностью тому, что обычно носила Катрин.

– Я это не надену.

– Еще как наденешь! И хватит пререкаться.

Желваки на лице Катрин напряглись, а глаза гордо заблестели, но Вера быстро остудила этот «замах» своим ледяным взглядом, и Катрин сдалась. Бормоча что-то невнятное, она принялась переодеваться. Одежда была выглажена и пахла дорогими духами – не резкими и сладкими, вроде тех, которыми пользовалась ее мать, а очень нежными и слегка возбуждающими.

Девочка чувствовала себя очень неловко, хотя одежда была словно по ней сшита: отлично сидела, не стесняла движений и даже немного меняла фигуру. Полностью переоблачившись, Катрин подошла к зеркалу и тихонько ахнула: на нее смотрела незнакомка. Черные волосы, деловой стиль – все это было таким чужим и таким привлекательным, что даже скованность и нескладность Катрин не сильно портили общее впечатление.

– Хватит красоваться. Открой нашим гостям и не забудь про воду.

– Гостям?

– Да, гостям. Только матери своей снова не попадись.

В дверь постучались. Вера улыбнулась и кивнула в сторону кружек, стоящих на столе.

Катрин стояла на месте как вкопанная, не решаясь пошевелиться. Все это было так внезапно, она не была готова к каким-то действиям и уж тем более – к общению с незнакомыми людьми. В дверь снова постучали, но на этот раз более нервно, отчего у Катрин пробежал холодок по спине. Вера уже исчезла где-то внутри огромной квартиры, оставив свою новоиспеченную помощницу в полном одиночестве. Когда постучали в третий раз, Катрин тут же опомнилась и, забыв про воду, побежала открывать дверь.

На пороге стояли мужчина и женщина, обоим было лет по сорок. Мужчина смотрел куда-то в пол, а женщина удивленно уставилась на Катрин, словно та была неприятной неожиданностью. Мысли женщины подтвердили догадки девочки: «Это еще что за шлюшка малолетняя?»

Лицо Катрин залилось краской, ей захотелось прямо с порога съездить неприятной даме по физиономии, но девочка сдержалась. Наконец женщина не выдержала и раздраженно спросила:

– А Вероника принимает сегодня?

– Да, конечно, проходите, – скорчив кривую любезную улыбку, произнесла Катрин.

Мужчина и женщина зашли, и девочка закрыла за ними дверь. Вид у пары был напряженный, кажется, по пути сюда они неплохо прополоскали друг другу мозги и теперь не разговаривали.

– Здравствуйте, – гостеприимно поприветствовала незнакомцев Вера, внезапно появившаяся в коридоре. – Катрин, проводи, пожалуйста, наших гостей в кабинет и принеси им воды.

Последние слова Вера проскрежетала сквозь зубы и указала своей помощнице на приоткрытую дверь, находившуюся напротив главной комнаты. Катрин растерянно кивнула и предложила гостям пройти в комнату, в которой сама ни разу не была.

Кабинет выглядел вполне обычно. Два мягких дивана, стоящие друг напротив друга, письменный стол, стеллаж, уставленный книгами и ими же пахнущий, и фикус. Чисто, уютно, а главное, вполне подходит под реальные размеры квартиры.

Пара зашла в кабинет.

«Женатики, – отметила для себя Катрин, взглянув на одинаковые золотые кольца на безымянных пальцах гостей. – Она что – семейный психолог?» – думала Катрин, пока приносила гостям воду.

Когда Вера вошла в кабинет и попросила девочку удалиться, Катрин напрочь забыла обо всем. Она вернулась в зал и, усевшись в велюровое кресло перед камином, задремала.

Через полчаса ее разбудила Вера и попросила принести гостям еще воды. В тарелке было пусто, и Катрин налила из стоящего на столе кувшина, а затем пошла в сторону кабинета. Вера и неприятная женщина что-то тихо обсуждали в коридоре. Катрин остановилась возле них.

– Отнеси это Антону, а мы сейчас подойдем.

«Я вам что, официант?» – подумала Катрин и, открыв дверь ногой, зашла внутрь.

Мужчина сидел на диване, закинув ногу на ногу, и что-то усердно разглядывал в своем телефоне. Катрин подошла к столику, стоящему между двумя диванами, и тут вдруг до нее стали доноситься его мысли: «Эта еще все со своей водой таскается. Можно подумать, мы как верблюды пьем, я вообще только полстакана выпил».

«В принципе, ничего особенного, – рассуждала Катрин, – муж и жена, как говорится...»

Но тут вдруг мысли мужчины резко изменились и начали развиваться в совершенно неожиданном направлении – ведь он поднял голову и увидел Катрин.

«Ого! А девка-то ничего! Даже *очень* ничего – просто бомба!»

Катрин искоса взглянула на внезапно взбудоражившегося клиента и, увидев похотливый огонек в его глазах, решила, что пора уходить, но мужчина вдруг схватил ее за руку:

– Постойте! Не могли бы вы остаться?

– Отпустите! – начала выдергивать руку Катрин.

– Я не хочу вас обидеть, мне просто нужно вас кое о чем попросить.

Он старался быть вежливым, и даже его нелепый внешний вид говорил о том, что вообще-то он человек воспитанный и сдержанный. Но внешность оказалась обманчива – в голове у мужчины звучало все иначе: «Господи, вот бы залезть ей в вырез».

Мужчина вскочил с дивана, все еще больно сжимая руку Катрин.

– Да отпустите вы меня! – вырывалась девочка.

Мужчину вся эта ситуация только раззадорила. Изловчившись, он схватил Катрин за предплечья, толкнул на диван, где, навалившись всем телом, начал лезть в декольте губами. Тут-то Катрин и завизжала. Антон не останавливался, бубня что-то невнятное, он пытался как можно дальше запустить свои руки и язык, но тут в комнату ворвались Вера и жена этого «маньяка».

– Помогите! – плакала перепугавшаяся Катрин.

– Ты что такое делаешь, козлина?! – жена Антона заверещала, как сигнализация.

Кинувшись на мужа, она схватила его за волосы, силой потащив с дивана. Тут уже завыл он. Ошарашенная происходящим, Катрин вскочила и побежала прочь из кабинета. Вера стояла в дверях, и Катрин краем уха зацепила ее «тревожные» причитания:

– Антон, как же так, мы ведь с вами все обсудили, нашли точки соприкосновения, а вы... – эти слова звучали искренно, но сама Вера явно в них не верила.

Отвесив мужу звонких пощечин и оставив несколько кровавых бороздок от ногтей на его лице, женщина заявила, что он может «валить ко всем чертям». Напоследок плюнула ему в лицо и вышла из кабинета, забрав с собой все возможные шансы на реанимацию семейной идиллии.

Потрепанный мужчина сидел на полу еще какое-то время. Лицо его побледнело, а отсутствующий взгляд выражал полное недоумение. Он фыркал что-то нечленораздельное и, кажется, плакал. Если бы Катрин увидела его таким, не зная о том, что произошло, она бы подумала, что бедный человек явно попал в беду, его обманули и воспользовались его доверием, а после – уничтожили, растоптали, унизили. И Катрин оказалась бы почти права: ведь весь этот спектакль заказала его жена.

Глава 2

Нерадивый насильник покинул квартиру в сильной спешке. Когда он выбегал, за ним тянулся целый шлейф тревожных мыслей: «Что же я наделал? Как я мог? Господи, что со мной случилось? Господи, я сошел с ума, господи, господи!»

Катрин чувствовала в воздухе вибрации, создаваемые чужим горем и страхом: ее тело резонировало с их невидимыми прикосновениями. Возникало странное ощущение сытости – приятное и пугающее одновременно.

Когда мужчина покинул злополучную квартиру, Вера и ее клиентка начали обсуждать произошедшее.

– Ну вот и все! А вы боялись, – голосом психолога обращалась Вера к женщине, и та отвечала ей довольной, но смущенной улыбкой.

– Признаюсь вам, я сначала не поняла, зачем здесь эта девчонка, – шепнула она Вере на ухо чуть громче, чем следовало бы. – Я, конечно, слышала про ваши методы, но не думала, что все будет происходить именно так.

Не сумев подобрать слов, клиентка развела руками. Вера скромно кивнула и пообещала прислать видеозапись с инцидентом на почту заказчицы.

– Сколько я вам должна? – женщина начала рыться в сумочке в поисках кошелька.

– Я не беру деньги, но скоро мне от вас кое-что понадобится, и я позвоню, – дружелюбно остановила Вера излишне суетливую даму.

– Конечно! Любая просьба! – распрошавшись, женщина покинула квартиру, одарив Катрин не самой дружелюбной улыбкой, отчего в животе у девочки все неприятно сжалось.

– Ну что, понравилось? – наконец спросила Вера, глядя на ошеломленную Катрин.

– Нет!

– Не ври мне, девочка! Я же знаю, ты почувствовала его боль, твое тело впитало эту энергию, и сейчас ты чувствуешь, как она растекается внутри.

Слова Веры пугали, они звучали странно и, что самое страшное, были правдой.

– Вот этим ты тут занимаешься? Рушишь чужие семьи? – вырвалось у Катрин.

– Я? Рушу чужие семьи? – Вера задорно улыбнулась, словно это была игра. – Люди приходят сюда сами. Их просьбы – это их личные дела. Мне абсолютно наплевать, что там у них: семья, работа, месть, *любовь*, – последнее Вера произнесла с брезгливым видом. – Тебе нужно понять одну простую вещь: все, что ты сейчас видела, – это сделка, и таких сделок будет очень много. Не надо принимать происходящее так близко к сердцу – надо относиться профессионально.

– Так вот зачем я тебе нужна?! – ноздри у девочки нервно раздувались. Она была готова уйти прямо сейчас и никогда больше не возвращаться.

– Разве мы с тобой не отлично сработали? – Вера вопросительно вскинула бровь, но Катрин молчала. – Ладно, ты мне наскучила, иди к себе.

Катрин стояла на месте как вкопанная.

– Живо!

Девочка дернулась и чуть ли не бегом двинулась к portalу. Остаток дня Катрин не выходила из комнаты и не вставала с кровати – она чувствовала себя разбитой и тяжело переживала все, что произошло.

* * *

Утром, еще до будильника, Катрин проснулась от телефонного звонка. Это была однокурсница. Дрожащим голосом она сообщила жуткую новость.

– Что? Изнасиловали? Когда? Кто?

– Вчера вечером, в гаражах! – голос дребезжал, как лист металлической кровли на ветру, но Катрин даже через телефон уловила в нем нотки возбужденного любопытства.

К горлу подступил ком. Вчера вечером Нину, бывшую лучшую подругу Катрин, изнасиловали в том самом месте, где они всегда встречались и курили перед учебой. В голове не укладывалось, как такое могло произойти. Ладони покрылись холодным потом.

«Черт, я же слышала их! Знала, что за нами кто-то следит – потому больше и не ходила той дорогой. Но Нина...»

Катрин вдруг поняла, что подсознательно хотела, чтобы на подругу напали. Гадкое чувство накрыло девочку, словно произошедшее было на ее совести.

«Но я же не была уверена на сто процентов...»

Катрин взглянула с отвращением на старую тумбочку на полу.

«Ноги моей в Вериной квартире больше не будет», – решила она и стала собираться на учебу.

Когда привычная дорога привела Катрин к зданию лицея, ее внимание привлекла полицейская машина, припаркованная на стоянке для преподавателей. Нетрудно было догадаться, по какому поводу сюда пожаловали эти люди. Катрин шла к зданию и чувствовала, как оно пульсирует. Все разговоры и мысли людей внутри вертелись вокруг одной темы – изнасилование Нины. Сама Нина, разумеется, сегодня отсутствовала.

Судя по мыслям, которые слышала Катрин, никому не было дела до того, как она, Катрин, выглядит, что говорит, как живет. Дышалось намного легче, чем вчера. Абсолютно все – как устно, так и мысленно – пережевывали одну и ту же тему. Без конца, по замкнутому кругу.

Хотя Катрин и возненавидела подругу и даже где-то в глубине души злорадствовала по поводу произошедшего, она переживала. После первой пары девочку вызвали по громкоговорителю в кабинет директора, где с ней провели беседу представители закона. Катрин с Ниной все еще считались лучшими подругами, поэтому на показания девочки очень надеялись, но Катрин нечего было рассказать полиции.

Краем уха Катрин подслушала разговор одного из следователей с директором. Из услышанного было ясно, что пока нет никаких зацепок. Нина не успела разглядеть нападавших, так как на нее напали сзади, а на голову накинули мешок. Эти подробности заставили Катрин почувствовать себя беззащитным птенцом в мире неуравновешенных хищников: нельзя надеяться на защиту веток и других птиц – стать жертвой может каждый, а вот наказание понесут не все.

Воздух в лицее был тяжелым от сплетен. Нервные преподаватели срывались из-за каждой ерунды и повышали голос, студенты собирались в кучки через каждые три метра и обсуждали одно и то же раз за разом. А еще эти полицейские с их расспросами и изучением местности... Через несколько часов после начала уроков ребята из студенческой компании Катрин предложили ей пропустить оставшиеся пары, чтобы выпить пива. Катрин с радостью согласилась. Ей требовалось срочно проветрить голову, а алкоголь был самым привычным средством.

Ребята собирались на старой спортивной площадке. Она была излюбленным местом всех прогульщиков и любителей выпить или покурить. Тут можно было не бояться того, что попадешься на глаза преподавателям. Единственным взрослым, приходившим сюда, был физрук – но застать его можно было только во время уроков физкультуры. Правда, даже он не отли-

чался особой спортивностью. Большая часть окурков и смятых пивных банок, скопившихся под трибунами, принадлежала не студентам, а ему.

Ребята скинулись карманными деньгами и, прикупив несколько литров самого дешевого пива, уселись на старые полусгнившие трибуны. Естественно, все разговоры снова были посвящены только Нине. Поначалу Катрин общалась без энтузиазма и держалась немного в стороне, но как только алкоголь расслабил ее натянутые как струны нервы, она тоже стала участвовать в беседе. Как ни странно, чем пьяней становилась девочка, тем меньше чужих мыслей до нее доносилось. Она наконец смогла выдохнуть и насладиться обществом старых друзей.

Тут одна из девчонок открыла свою сумочку, чтобы достать косметичку, и Катрин почувствовала странную вибрацию во всем теле. Сначала легкое возбуждение щекотало только область живота, но потом с каждой секундой оно стало становиться все больше и больше: вот уже перекинулось на грудь, обволокло сердце и заставило его биться быстро-быстро. Катрин потряхивало. Дыхание сбилось, мысли путались. Возник странный аппетит, но есть хотел не желудок – есть хотело все существо Катрин. Она пододвинулась ближе к девочке. Что-то внутри сумки тянуло магнитом, оно будто кричало: «Возьми меня! Возьми скорее!» – и руки сами тянулись к нему.

Мир исчез. Катрин не слушала, о чем говорят друзья, не следила за кривляниями Эда, которые обычно забавляли всю компанию... Весь мир сузился до одного маленького пятна, и этим пятном была дешевая сумка из кожзаменителя, в которой лежало *нечто*.

Взяв себя в руки, Катрин начала думать охмелевшим мозгом:

«Мне нужно *это*, срочно нужно, но я не могу залезть в сумку прямо так, при всех, иначе я упущу *его*, чем бы оно ни было».

Тогда под предлогом того, чтобы выпить еще, Катрин потянулась к бутылке и, неловко задев сумку, уронила ее на землю.

– Ой, прости, пожалуйста, я сейчас подниму, – начала извиняться заплетающимся языком девочка и, не обращая внимания на гневный взгляд хозяйки сумки, бросилась вниз под трибуну.

«Дура криворукая!» – дошли до Катрин мысли девчонки.

Внизу воняло прокисшим пивом и какими-то стухшими овощами, но Катрин это не беспокоило. Она быстро отыскала сумку и запустила внутрь руку. Предмет вожделения нашелся мгновенно – что-то небольшое и круглое... Катрин не стала рассматривать находку и быстро положила ее в задний карман джинсов, а затем, схватив сумку, вернулась на свое место.

– Вот, прости еще раз за то, что уронила, – протянула Катрин сумку подруге и тут увидела *ее*.

Вера стояла прямо перед ребятами. На ней сегодня была черная, как летняя ночь, атласная рубашка, которую она заправила в такие же черные джинсы. На левой руке блестели стильные часы, а изюминкой (как всегда прекрасной) композиции служили серьги в виде двух саламандр, отливающих то серебром, то бронзой – в зависимости от поворота головы.

– Вам чего? – спросил один из парней, глядя на внезапно возникшую из ниоткуда девушку.

«Какая сочная!» – прочитала его мысли Катрин.

– Я за Катрин. Вставай, нам пора идти.

– Я никуда с тобой не пойду, – процедила сквозь зубы окосевшая студентка.

– Девочка, я не собираюсь тут с тобой в «хочу-не хочу» играть, быстро встала и пошла за мной, – заявила Вера стервозно, но при этом совершенно спокойно, не повышая голоса.

– Дамочка, вы, собственно, кто? – влезла в разговор та самая девчонка, чья сумка недавно упала под трибуны.

Катрин чувствовала, как в ее подруге вскипает зависть. Ей была до фонаря сама Катрин, но появление красивой девушки с заявками на командование в этой группе вызывало в ней жуткое негодование.

– Я тетя Катрин, – как можно мягче сказала Вера и улыбнулась охмелевшим студентам.

– Никакая она мне не тетя, – буркнула Катрин и вцепилась руками в сухую доску трибуны, словно опасаясь, что Вера выдернет ее с места силой своей мысли.

– Может, вызвать полицию? – спросил один из парней.

Тут Вера вытащила из-за спины черный клатч из змеиной кожи и открыла его. Все изумленно смотрели на нее, ожидая, что будет дальше. Вера достала своими тоненькими изящными пальчиками увесистую пачку купюр и, отсчитав несколько, протянула их одному из ребят:

– Здесь десять тысяч, можете поделить их между собой или пробухать все вместе – мне без разницы, но чтобы вас тут не было через минуту. А я должна поговорить со своей племянницей, которая прогуливает учебу и пьет пиво вместо занятий. Ее мать не одобряет такой образ жизни.

При виде денег у парня округлились глаза. Кое-как справившись с удивлением, он перевел взгляд на друзей – они были в шоке. Поразмыслив еще пару секунд, он взглянул на Катрин с извиняющимся видом и дрожащей рукой схватился за деньги.

– Я жду, – грозно сказала Вера.

Ребята стали собираться. Катрин смотрела вслед предателям и ненавидела их. Она ненавидела Веру, ненавидела мать, о которой упомянула соседка, даже бедную Нину, что привлекла к себе столько внимания и сочувствия. Но больше всего она ненавидела себя за то, что впуталась в эту историю, и сейчас ей хотелось только одного – умереть.

– Чего тебе нужно?! Я не собираюсь быть на побегушках и участвовать в твоих...

Катрин не успела договорить, потому что Вера звонко щелкнула пальцами, и девочку начало выворачивать. Катрин рвало, как утром первого января, когда они отмечали Новый год у бывшего парня Нины – в ту ночь за столом было смешано много сортов дешевого вина, пива и водки. Глаза и нос текли, Катрин рвало до тех пор, пока из желудка не начала выделяться желчь. Вера протянула ей какой-то флакон:

– На, выпей. Отпустит.

Катрин одним махом влила в себя содержимое, и рвота прекратилась. Алкоголь выветрился – бедная девочка чувствовала себя еще трезвее, чем обычно.

– Значит, так, – начала угрожающим тоном Вера. – Еще раз ты повысишь на меня голос – будешь жалеть очень и очень долго. Ты меня поняла?

Катрин смотрела на девушку, как смотрит пес на отловщика беспризорных животных – с ненавистью и страхом. Она медленно кивнула, признавая свое поражение.

– Отлично, – быстро повеселела Вера. – И еще кое-что: не советую больше употреблять то пойло, которое я из тебя вытряхнула. Это огромное неуважение к силе, живущей внутри тебя. Ты оскверняешь и загрязняешь ее, а заодно и свое имя. Ты должна уважать себя, и если уж так хочется выпить, то пей хорошее вино. Не знаешь, где взять? Узнай у меня, либо дождись, когда в твоей клиентской базе появятся виноделы и хозяева алкогольных бутиков, которые не пожалеют для тебя бутылочки, а то и целой бочки.

Катрин молча выслушала советы своей наставницы, и, вытерев лицо, встала с трибуны.

– Покажи, – вдруг произнесла Вера.

– Что показать?

– Не придируйся. Я знаю, что ты взяла что-то из сумки, и *оно* в твоём заднем кармане.

Катрин испуганно посмотрела на злобную девушку и дрожащей рукой полезла в карман. Она и сама не знала, что там; даже не понимала, зачем *оно* ей нужно. Но вещица, словно Кольцо Всевластия, притягивала к себе. Нащупав круглый гладкий предмет, Катрин медленно выта-

щила его и вытянула перед собой на ладони. Это оказалось обычное девчачье зеркальце, которое не представляло никакой ценности – кусок пластика и стекла, не более.

– Воровка. Мне стыдно за тебя, – в голосе Веры чувствовались издевка и разочарование. Девушка подошла к Катрин и выхватила зеркальце.

– Я... я понятия не имею, зачем взяла это, оно мне не нужно, просто...

– Просто оно само тебя поманило, – закончила Вера вместо пристыженной студентки.

– Да! Так и было, я не знаю, как это объяснить, ты же понимаешь, что оно ничего не стоит, мне нафиг не сдалась эта безделушка! – тараторила, оправдываясь, Катрин.

– Тихо-тихо, дыши. Фух, ты слишком много говоришь, аж голова болеть начинает. Это обыкновенный аккумулятор, и все. К тому же заряженный лишь наполовину.

Вера говорила так спокойно, будто подобные вещи – обычное дело.

– Аккумулятор?

– Ну да, аккумулятор – предмет, который заряжается энергетикой носителя и, как губка, впитывает в себя все эмоции, исходящие от хозяина. На самом деле все твои вещи пропитаны твоей энергией, но та, которую ты постоянно таскаешь с собой и часто используешь, напитывается гораздо больше других. Человек чувствует связь с таким предметом и не может с ним расстаться. Даже если речь идет о безделушке, давно потерявшей божеский вид и всякую ценность. А я занимаюсь как раз тем, что помогаю людям с такими вещами расставаться.

– Зачем они тебе?

– А ты понюхай.

– Что сделать?

– Просто понюхай, – теряя терпение, повторила Вера чуть громче.

Катрин нерешительно поднесла зеркальце к носу и, чего-то боясь, начала вдыхать запах вещицы. Ноздри приятно защекотало, что-то теплое и бодрящее проникло внутрь. Катрин почувствовала, как все ее тело заполняет легкое возбуждение. Непонятная волна ощущений пробежала по носоглотке и устремилась к желудку. Она начала скапливаться и греть Катрин изнутри, будто маленькое солнышко. Голова, руки и ноги потеряли вес, стали воздушными – девочка словно летела над землей. Приятные мурашки покрывали кожу. С каждой секундой ощущения усиливались, Катрин погружалась в них, теряя контроль и желая лишь одного – вдыхать еще и еще. Несравнимый ни с чем экстаз кружил голову. Девочка прилегла на один бок и только собралась сделать самый сильный вдох, как Вера выхватила зеркальце и убрала в свой клатч.

– Понравилось? – на ее лице сияла странная хищная улыбка.

Катрин несколько раз с силой моргнула, затем вытерла тыльной стороной ладони губы. На руке осталась слюна.

– Что за хрень? – спросила Катрин испуганно, боясь нового чувства, но в то же время готовая повторить все случившееся, не раздумывая.

– Твое тело впитало чужую энергию. Первый раз всегда такой ярко выраженный. Хотя тебе не впервой! Помнишь, что-то похожее произошло вчера?

Катрин задумалась. Она вспомнила, как почувствовала что-то отдаленно похожее, когда Антон в спешке покидал квартиру Веры. Но это было совсем не то же самое – просто капля по сравнению с тем океаном чувств, которые проникли в девочку только что.

– А теперь пойдем, я покажу тебе кое-что, – сказала Вера и поманила Катрин пальцем.

Девочка послушно пошла следом в надежде, что Вера позволит ей еще хотя бы на секунду вдохнуть силу аккумулятора. Минут пять они молча двигались в сторону дома. Катрин несколько раз пыталась завести разговор с девушкой, но та лишь цыкала и приказывала молчать. Наконец они добрались до гаражей – тех самых, где вчера была изнасилована бедная Нина.

– Зачем мы здесь? – не вытерпела Катрин. Это место производило на нее гнетущее впечатление.

– Чувствуешь? – спросила Вера.

– Нет, а что я должна чувствовать?

– Потрогай что-нибудь.

– Чего сделать?

– Что ты такая непонятливая? Дотронься до чего-нибудь, – Катрин не видела, но знала, что Вера закатила глаза.

«Ненормальная», – подумала девочка и прикоснулась рукой к холодному ржавому куску железа, который врос в землю.

Воздух вдруг резко изменился, стал тяжелым, кислым и тошнотворным, как в автобусе в час пик. Цвета вокруг потускнели, словно солнце резко спряталось за облаками. Катрин показалось, что мир вокруг замер, но на самом деле замерла она сама. Девочка застыла на месте, не в силах даже повернуть голову, сделать шаг, пошевелить губами.

«Я превратилась в камень? Эта стерва заколдовала меня?» – жуткая мысль пронеслась в ватной голове и кольнула сердце.

Сама Вера куда-то пропала. Вдруг Катрин услышала шепот. Шептал мужчина. Он давал какие-то указания. Слова то звучали отчетливо, то сливались в тягучую неразличимую массу. Но Катрин была уверена: тот, кто шептал, находился рядом. И тут вдруг она увидела Нину. Девочка неспешно шла в направлении своего дома. В одной руке она держала телефон, в котором что-то усердно разглядывала, а в другой – тонкую дымящуюся сигарету.

– Вот блин, одна!

– Придется делить, – прошептал слишком громко другой голос, отчего Нина резко обернулась.

И тогда в воздухе послышалось негромкое:

– Поехали!

Откуда-то из-за спины Катрин выскочили двое мужчин. Один из них задел Катрин, отчего та отпружила. Мужчина негромко выругался, а Катрин увидела, что из его порванной штанины сочится кровь. Дальше все было как в тумане. Нину застали врасплох – она даже не успела крикнуть.

Через секунду Катрин уже снова была сама собой, видение исчезло. Горло пересохло от волнения, рот – тоже. Девочка облизала губы и почувствовала вкус железа.

«Я что, была этой самой железкой?!» – испуганно крикнула в своих мыслях Катрин, но вслух спрашивать побоялась: вдруг Вера в очередной раз обвинит ее в идиотизме?

Солнце снова было на прежнем месте, а мир вокруг вернул свои цвета. Вера стояла там же, где и пару минут назад, как ни в чем не бывало. Катрин осмотрела железку и увидела на ней пятно засохшей крови.

– Можем поиграть, если хочешь, – предложила Вера.

– Как это?

– Соскреби кровь куда-нибудь – я покажу тебе пару фокусов. Смелей, можешь прямо со ржавчиной.

– Но что произошло? Как я смогла увидеть прошлое? Поче... – Катрин снова не успела договорить.

– Это все аккумулятор, скажи ему спасибо. Когда ты заряжена, то в тебе открывается все больше возможностей. Со временем ты научишься направлять свою силу. Но больше воровать ты не будешь, ясно?

– Ясно, – пристыженно ответила Катрин. – Но...

– Окажи человеку необходимую услугу, и он сам отдаст тебе все, что пожелаешь. Но никогда не бери деньги. Важно, чтобы человек отдавал тебе вещь с благодарностью – это при-

несет самый мощный заряд. Не бойся, я всему тебя научу. Главное – не перечь и делай все, как полагается, ок?

* * *

«Сегодня Вера показала, как привязать кровь к предмету и сделать куклу-двойника.

“Это очень серьезно, – сказала она. – Отнимая у человека волю, ты автоматически становишься ответственной за его поступки, если они совершаются из-за твоего вмешательства. Не советую таким образом действовать для наживы – тебя быстро вычислят и закроют. Тебе все ясно?”

Вера разговаривает со мной, как с дурочкой. Она мне не нравится – она злая. Злая по-настоящему – не как старые преподы из лица, которые отыгрываются на нас за свои собственные неудачные жизни, и не как мать, которая меня никогда не слушает. Нет, эти людишки просто обижены и сердиты, а она – злая.

“Тебя закроют”. Кто закроет? Куда закроет? Непонятно».

Катрин захлопнула свой новый дневник и убрала в щель между шкафом и стеной.

На столе лежала криво сделанная игрушка, едва ли напоминающая человека. Она сама сшила ее под присмотром Веры. Оболочку сделала из старой джинсовой ткани, а потом нафаршировала куклу кофейными зернами.

– Почему именно кофейные зерна? – спросила Катрин, когда Вера достала банку и высыпала содержимое на стол.

– Если ты вдруг решишь сварить человека заживо, так хотя бы кофе попьешь, – улыбнулась Вера, но, кажется, за этой шуткой крылась самая настоящая правда, отчего Катрин передернуло.

Глазки куклы были сделаны из бисера, а рот нарисован красным карандашом. Кукла получилась уродливой: одна нога больше другой, голова непропорциональна телу, да и швы оставляли желать лучшего. Дело в том, что Катрин никогда ничего не делала руками, а ее пальцы впервые познали колющую сущность иглы. Но Вера уверила девочку, что внешний вид не имеет значения, лишь бы все, что нужно, было на месте. Когда процесс будет запущен, человек может за секунду лишиться ноги, если той не будет у куклы.

Кровоточащие пальцы Катрин тоже не были напрасной жертвой. Вера собрала немного ее крови и, смешав с засохшей кровью насильника Нины, добавила туда жидкость из небольшой баночки и еще несколько сухих цветов, перетертых в порошок.

– Некоторые из этих ингредиентов ты можешь собрать в ближайших полях, остальные растут в разных уголках планеты. Но старайся также собирать семена, чтобы иметь возможность выращивать растения дома, так как достать их не всегда легко, – Вера показала пальцем на гербарий, устроенный над камином, и на растения в горшках, что росли под специальной лампой в уголке комнаты. – Это лишь малая часть моих запасов, остальное находится в другой комнате, как-нибудь я тебе покажу. Пока будешь брать мои, потом организуешь собственный огород.

Также Вера вручила Катрин толстую тетрадь, ручку и обязала конспектировать все, что она рассказывает.

– Я два раза повторять не стану, и когда придет очередь сделать то, что я попрошу, ты будешь делать. Лучше, чтобы у тебя все получилось. Иначе будем проверять результат на тебе. Поняла?

– Поняла, – кисло ответила Катрин и отвела глаза. Даже здесь чертова учеба!

Взгляд Веры был то обжигающе дерзким, то, наоборот, ласковым и понимающим. Перемены ее настроения случались так часто, что нельзя было угадать, как отвечать на тот или

иной вопрос. Логически объяснить эти перемены не представлялось возможным, это ужасно выматывало, но Катрин терпела. Вера находилась в стабильном состоянии только тогда, когда занималась работой или общалась с клиентами: в такие минуты она всегда была требовательной стервой.

– Готово, – торжественно заявила *ведьма* (именно так теперь Катрин мысленно называла Веру, когда наставница начинала ее раздражать). – Давай куклу.

Катрин протянула ей свою поделку. Девушка сняла с огня колбу, в которой уже растопилось все содержимое и, намочив в нем ватную палочку, обмазала всю поверхность куклы.

– Все, что ли? – Катрин выглядела разочарованной.

– А ты, собственно, чего ожидала? Фейерверка?

– Что теперь?

– Делай с ней что хочешь. Можешь руки переломать, можешь заставить идти куда-то, хочешь, зашей рот или положи на полку – дело твое. Эта кукла теперь привязана только к тебе, ты – ее хозяйка.

– Но как я узнаю, что это работает? Я же понятия не имею, где этот человек находится.

– Для этого я оставила в растворе немного его крови. Даже по маленькой капле можно узнать местонахождение хозяина.

В глазах Катрин появилось неприкрытое любопытство.

– Так это же здорово! Мы можем просто сдать полиции этого козла! – девочка вскочила с места, ее губы дрожали от волнения.

– Так, тихо-тихо, дыши ровнее! Никого и никому мы сдавать не будем – это не наше дело.

– Но как же...

– Ты что, разве не слышала поговорку «Любой труд должен быть оплачен»?

– И с кого мне брать оплату?

– А ты сама подумай. Разве не ясно?

– Нет. Я что, должна сказать Нине, что я ведьма какая-то, цыганская принцесса? Она же не дура полная.

– У нее ведь есть родители? Думаю, они переживают ситуацию не меньше, а может, и больше, чем она сама, вот с них и начни. В конце концов клиентуру поначалу придется набирать самостоятельно – просто так к тебе никто не придет.

– И как я это сделаю? Позвоню и скажу: «Здравствуйте, я тут могу вам помочь с поиском насильника, у меня кровь его есть, я сейчас вам его приведу своей гребаной куклой вуду!» Так, что ли?

Вера залилась звонким смехом. Катрин нахмурилась и хотела сорваться и уйти. Наконец, отсмеявшись, Вера вытерла сухие глаза и сказала:

– Записки будет вполне достаточно.

Ведьма достала из шкафа красивую резную шкатулку с замком-секретом. На ее поверхности были вырезаны причудливые символы и руны, а сама она источала запах мокрой хвои. Никогда в своей жизни Катрин не видела настолько красивых вещей. Дома у нее все хранилось в стеклянных банках и коробках из-под конфет, даже бижутерия.

Вера покрутила кончиками пальцев какой-то механизм, затем перевернула шкатулку и нажала на ее дно. Внутри что-то негромко стукнуло, и крышка отщелкнула, как капот автомобиля. Порывшись внутри, девушка достала маленький медальон размером с монетку. В щепотку засохшей крови она добавила каплю воды, окунула в получившийся раствор кусочек бумажки, а затем открыла медальон и положила бумажку внутрь.

– Держи, – вложила она украшение в ладонь Катрин.

Медальон цвета окислившейся меди как был, так и остался на вид абсолютно непримечательным.

– Он завибрирует, когда ты будешь идти в правильном направлении. Чем ты ближе, тем вибрация сильнее. Такой вот маячок.

Катрин кивнула.

– Ну что ж, ты свободна, у меня куча дел. Скоро ты мне понадобишься, а пока что развлекайся, – с этими словами Вера выпроводила Катрин через тумбочку и закрыла за ней дверцу портала.

Медальон был невероятно увесистым для своего небольшого размера. Рука быстро устала, на шею такое вешать было страшно, поэтому Катрин положила его в карман джинсов. Когда она вышла из подъезда, прихватив с собой куклу, то ожидала, что магический предмет сразу укажет ей дорогу – но не все оказалось так просто.

Катрин покрутилась вокруг своей оси, но необходимого эффекта не было. Тогда она пошла в случайном направлении, но, ничего не почувствовав, развернулась в сторону дороги.

Дойдя до автобусной остановки, Катрин вдруг резко остановилась – медальон ожил. Легкая пульсация в кармане означала, что девочка напала на след. Волнующий холодок пробежал по всему телу. Катрин была уверена, что обрадуется, когда медальон сработает, но в действительности она испытывала страх.

Девочка прошла мимо остановки и двинулась дальше, но пульсация оборвалась. Тогда она снова изменила направление, но и это не помогло. Но стоило Катрин вернуться к остановке, как магический предмет снова завибрировал – даже сильнее прежнего. С каждой секундой вибрация усиливалась, как будто бы набирая мощность. Странно, ведь Катрин стояла на месте. Она растерянно крутилась, смотрела по сторонам, не имея ни малейшего понятия о том, что ей хочет сказать амулет.

Вдалеке показался автобус. Чем ближе он подъезжал, тем сильнее вибрировал медальон. Наконец автобус затормозил у остановки, двери распахнулись, и нервный народ повалил на выход. Медальон пульсировал и даже оттянул карман, явно намекая на то, что Катрин необходимо попасть в салон. Девочка сглотнула подступившую слюну и шагнула в механическую пасть машины, которая тотчас же за ней захлопнулась.

Медальон, точно магнит, тянул в заднюю часть автобуса, и Катрин, стараясь не привлекать внимания, двинулась туда. Назойливый предмет привел ее к двойному сиденью в конце салона, но там никого не оказалось. Медальон явно работал со сбоем, отчего Катрин испытала одновременно разочарование и облегчение. Она была уверена, что вот-вот столкнется лицом к лицу с тем негодяем, которого видела, дотронувшись до железяки за гаражами. Это вселяло ужас, и девочка поняла, что она очень напугана, хотя в автобусе было полно людей, а на улице – еще светло.

Плюхнувшись на потертое засаленное кресло, Катрин расслабилась и уставилась в мутное окно. Она представляла, как приходит к Вере и надменно кидает медальон на стол, заявляя о том, что ее методы кажутся сомнительными, а эта вещь – абсолютно бесполезна.

Автобус завернул в «карман» остановки и, с шипением открыв пасть, впустил очередную группу людей. Задумавшись, Катрин не заметила, как к ней подсел новый пассажир. На соседа она обратила внимание через несколько секунд из-за принесенного им запаха пота и дешевых сигарет.

– У вас, кажется, телефон звонит, – раздался вдруг мужской голос.

– А? – Катрин взглянула на мужчину, а потом на свой карман, который вибрировал без остановки.

Девочка незаметно вытащила медальон из кармана и сделала вид, будто отключила телефон, а сама просто держала медальон в руках: «Фигня какая-то. Как же его вырубить?»

Тут до Катрин стали доноситься мысли пассажира, сидевшего рядом:

«И как этот тупорылый идиот додумался выбросить презерватив в гаражах? Из-за такой ерунды обычно и попадают. Я не собираюсь искать эту дрянь, пускай сам там роется, если не хочет на нары. Если что, сам будет за все отдуваться, она все равно не видела лиц».

Катрин бросило в жар.

«Чертов медальон не соврал», – с ужасом подумала она.

Тревога захлестнула ее и спутала мысли. Катрин не знала, что делать: встать и бежать звонить в полицию, родителям Нины? Или Вере? Или просто кричать, чтобы автобус остановили, потому что рядом сидит маньяк-насильник?

Пассажир обратил внимание на ее беспокойство и потому время от времени переводил свои мысли на Катрин. Он искоса поглядывал на ее ноги, гладил взглядом тоненькие предплечья. Девочка знала, что происходит в голове этого извращенца, но ничего не могла поделать. Она уже поняла, что ему нравится, когда жертва сопротивляется.

Собрав волю в кулак, Катрин глубоко вдохнула и медленно выдохнула, а затем незаметно запустила руку в свою сумку, где лежала кукла. Нащупав поделку, она надела на нее ногтем, и в ту же секунду мужик резко дернулся и схватился за плечо.

– Ай, – вскрикнул маньяк, не в силах выдержать внезапно пронзившую его боль.

Кайф – вот что испытала Катрин в этот момент. Мысли мужика оборвались, теперь он думал только о боли. Катрин нажала на куклу еще раз, но теперь на живот. Мужика заломило, он издал негромкое: «уф-ф» и сложился пополам.

– Вам плохо? Может, вызвать скорую? – поинтересовалась женщина-кондуктор, увидев скрюченного пассажира.

– Не на-адо, – еле выдавил он.

Катрин сидела, отвернувшись к окну. Стекло слабо отражало ее довольную улыбку, от страха не осталось и следа. Осмелев от собственной силы, Катрин достала куклу из сумки и, разместив у себя на коленях, начала шагать ее ногами. Мужчина вскочил с места и пошел вперед, неаккуратно толкнув тучную кондукторшу. Катрин несколько раз повернула куклу вокруг своей оси, и мужик незамедлительно сделал то же самое с абсолютно естественным видом.

– А-фи-геть, работает! – обрадовалась юная чародейка и начала представлять, как будут складываться дальше ее дела.

У Катрин была необходимая информация об уликах, она знала преступника в лицо и даже могла управлять его действиями. Осталось совсем немного. Игра началась.

Мужик вышел на своей остановке, и Катрин последовала за ним. Она аккуратно проследовала за маньяком до самого дома, и только потом отправилась назад. А напоследок еще пару раз заломила насильнику конечности.

«Этот медальон и кукла – они работают. Я не сошла с ума, я видела все своими глазами. Нет, с Ниной я мириться не собираюсь. Эта лицемерная дрянь врала мне о своей дружбе. Но я дружила с ней по-настоящему, и значит, я помогу ей. А заодно избавлю мир от этих ублюдков».

В своем новом дневнике Катрин не стала упоминать о собственной выгоде. Ей казалось это неправильным, как бы ни пыталась Вера убедить ее в обратном.

* * *

Вера подсказала Катрин, как нужно составить письмо для родителей Нины. Письмо должно быть анонимным, коротким и малоинформативным – на случай, если будущий заказчик пойдет с ним в полицию. Также там должны быть указания о том, как и где можно будет отблагодарить за помощь и какие меры предосторожности нужно соблюдать.

«Добрый день. Я знаю о вашем недавнем горе и готова найти виновного. Завтра в одиннадцать часов дня вы вместе с полицией должны вернуться на место преступления. Скажите им, что ваша дочь вспомнила несколько деталей, которые нужно показать на месте. Нападавший будет там в это время – он попытается скрыть оставленные улики, и вы сможете взять его с поличным. Это письмо адресовано только вам, никто не должен о нем знать, тем более полиция. За оказанную помощь я не прошу денег, а прошу о личной встрече. На месте мы сможем обсудить произошедшее, и тогда, по вашему желанию, вы сможете отблагодарить меня. Адрес вышлю по завершении дела».

Готовое письмо Катрин запечатала в конверт, на котором красным фломастером большими буквами написала: «СРОЧНО!»

Погода к вечеру основательно подпортилась. Дождевые тучи затянули небо и заставили солнце сдаться и отступить, оставив город в полумраке. Катрин сказала матери, что сегодня задержится у подруги, и это частично было правдой. Мать лишь недовольно фыркнула и велела, чтобы девочка не засиживалась допоздна, потому что чужим родителям такие гости не в радость.

– Если учую сигареты или пиво, будешь у меня неделю сухарями питаться! – крикнула напоследок женщина, когда Катрин уже закрывала за собой дверь.

– Можно подумать, я сейчас ем как королева, – огрызнулась девочка, спускаясь по лестнице.

Мелкий моросящий дождь прогнал людей с улицы. Даже местные алкоголики и бомжи затаились в подвалах и подъездах, не желая мокнуть. Несмотря на вечерний сумрак, Катрин быстро вышагивала, ловко обходя знакомые ямы в асфальте, которые постепенно превращались в лужи. До дома Нины было всего несколько кварталов, и Катрин планировала добраться туда минут за десять.

Она завернула за угол очередного дома: нужно было пройти мимо сквера и магазина стройматериалов. Но тут кто-то резко дернул девочку за куртку и быстро заломил руки за спину. Она успела лишь негромко ахнуть перед тем, как рот зажала чья-то рука. Шершавая, пахнущая сигаретами ладонь не позволяла разомкнуть челюсть, и у девочки не получалось укусить нападавшего. Катрин дергалась и пыталась лягнуть мужчину, но тут почувствовала, как к горлу прижался холодный кончик чего-то острого.

– Хоть пискнешь, я тебе глотку перережу, как овце, поняла?

– Угу, – промычала Катрин и перестала сопротивляться.

Из глаз потекли слезы. Этот голос, запах дешевых сигарет – она прекрасно понимала, кто схватил ее. Маньяк выследил Катрин, и теперь все ее планы летели к чертям. Эту битву она проиграла, даже не начав.

Мужик убрал нож от горла и приставил его к спине девочки. Другой рукой он держал ее за руку.

– Садись в машину! – процедил он сквозь зубы и указал на припаркованную неподалеку старую иномарку, где в неосвещенном салоне за рулем сидел еще один человек.

Катрин села на заднее сидение, а рядом с ней вплотную разместился похититель. Водитель повернул ключ, и машина тронулась с места.

Ехали недолго. За всю дорогу мужчины не проронили ни слова, словно опасаясь, что их услышит кто-то за пределами машины. Тишину нарушали лишь нервный кашель водителя и постукивания уставшей подвески, когда автомобиль подпрыгивал на кочках или входил в поворот.

Вскоре за окнами машины показался частный сектор. Сначала шли богатые коттеджи с коваными заборами, каминными трубами, колоннами и крышами из красной черепицы.

Совсем скоро их сменили аккуратные низкорослые одноэтажные постройки, отделанные сайдингом или фальшивым деревом, наполовину скрытые глухими железными ограждениями. А уже ближе к концу улицы появились старые избы и ветхие покосившиеся дома с полуразрушенными трубами и облезлыми крышами. Возле одного такого дома, обнесенного сетчатым забором, и была стоянка, на которой двигатель машины умолк.

В глаза девочки сразу бросились зарешеченные окна, из которых еле-еле пробивался слабый желтый свет.

– Пожалуйста, отпустите меня, – шмыгая носом, взмолилась Катрин, когда они вышли из машины.

– Рот закрый! – рявкнул похититель и тут же огляделся по сторонам.

Девочка смотрела на дом и с ужасом понимала, что как только дверь за ней захлопнется, то назад ей не выбраться.

– Умоляю вас, я никому не скажу...

Тут Катрин прилетел сильный удар в затылок. Это было так неожиданно и резко – как падение на льду. Сознание девочка не потеряла, но перед глазами взорвались черные точки. В ушах зазвенело. Боль вырвалась из груди громким стоном.

– Ты что творишь?! – зашипел похититель на своего напарника.

– Ей было велено заткнуться.

– Ты так только хуже делаешь!

– Прости...

Из этого короткого разговора становилось ясно, кто главный в их малочисленном коллективе.

– Все, цыц, пошли, – с этими словами главарь ткнул острием ножа в спину девочки, а второй рукой зажал ей рот, чтобы перекрыть звуки рыданий.

Катрин повиновалась, не желая получить добавки. На нетвердых ногах она шла напрямик в ад. В головах у похитителей творился полный хаос. Главарь постоянно менял план действий, а напарник его был просто конченным извращенцем, и все его мысли касались только задницы Катрин и ее рта.

В голове девочки без конца крутилась мысль:

«Только не здесь, только не так, только не здесь, пожалуйста...»

Внутри дома был настоящий гадюшник. Пропитанный сигаретами и плесенью воздух тяжело оседал в легких и заставлял кашлять. Всюду разбросаны вещи: какая-то одежда, женские сумки, пустые бутылки и горы окурков. Деревянные стены давно почернели от грибка и гнили. Но было здесь что-то еще: Катрин ощущала сильную вибрацию в теле. Некая энергия исходила из дальней комнаты, которая, судя по всему, была кухней. С каждым шагом Катрин ощущала приятное щекотание в животе, которое разрасталось и растекалось по телу волнами.

Все трое прошли в дом напрямик в уличной обуви, не сбив грязь у порога. Катрин затащила в самую большую комнату, где грязи было чуть меньше. Руки девочки привязали пластиковыми хомутами к спинке старой металлической кровати. Она молча смотрела на смятую простыню и даже боялась представить, что обычно творится на этом самом месте.

Маньяки общарили ее в поисках личных вещей. В их руках теперь находились телефон и сумочка Катрин, в которой лежало заготовленное письмо. Они вышли из комнаты, оставив Катрин наедине с собственными мыслями, предварительно заткнув ей рот какой-то тряпкой.

«Чертова кукла осталась дома. Как же я теперь отсюда выберусь?!»

До нее стали доноситься не слишком тихие голоса с кухни:

– Она за мной следила, представляешь? Тащила до самого дома, ей что-то нужно, она что-то знает!

Катрин слышала, как вжикнула молния ее сумки и на стол посыпались ее вещи.

– Смотри-ка, письмецо.

Дальше наступила тишина – эти двое читали послание для родителей Нины.

– Чертова сучка, откуда она знает?!

– Я же тебе говорил, что этот презерватив до добра не доведет. Но как она узнала, что завтра ты поедешь его искать? А главное, указала точное время! Это какой-то бред!

Катрин шарила глазами по комнате в поисках спасения, а тело ее все сильнее ощущало непонятную силу, исходящую из кухни. Через минуту оба похитителя зашли в комнату. От них тоже исходила энергия, но другая. Вдобавок они принесли с собой частичку того, что скрывалось на кухне – эта сила пылью осела на них и оставляла за собой невидимый шлейф.

Один из мужчин держал в руках стул. Он поставил его спинкой к лицу девочки и сел на него верхом. Его напарник вытащил изо рта Катрин кляп.

Впервые за все время Катрин увидела лица своих похитителей полностью, хоть и в тусклом свете. Алкоголь и частое курение оставили глубокий след на худом лице того, кто сидел напротив. Понять, сколько ему было лет, оказалось сложно – навскидку от тридцати пяти до пятидесяти. Он улыбнулся желтыми, как налет в ванной, зубами, затем поднял письмо Катрин и произнес осипшим голосом:

– Что это такое? Кто ты? Откуда ты знаешь про нас? С чего ты решила, что знаешь, где и во сколько мы будем завтра?

Катрин попыталась сглотнуть комок в пересохшем горле, но это оказалось непросто. Мысли не шли, она не знала, что говорить, пыталась найти ответ в мыслях мужчины, но ничего подходящего в его голове не было. Внутри нее горел огонек, который с каждой секундой разгорался все ярче – ей нужно попасть на кухню, нужно впитать ту энергию.

– Я ведьма, – негромко ответила Катрин.

– Чего?! – произнес второй тип – *Медведь*, как про себя окрестила его девочка. Мужчина был таким огромным, что, стоя в старом дверном проеме, еле помещался в него.

«И как только он не убил меня?» – подумала Катрин, все еще ощущая жуткую ноющую боль в затылке.

Лицо у этого верзилы походило на уродливую глыбу застывшего цемента – шея, щеки и несколько подбородков наложились слоями друг на друга, а «вишенкой» на этом «торте» была большая родинка над бровью, из которой торчал длинный одинокий волос. Катрин старалась не смотреть на Медведя, потому что от одного вида этого мужика ее тошнило.

– Ведьма, значит? – снова заговорил первый.

– А с волшебной палочкой обращаться умеешь? – заржал здоровяк.

От этих слов улыбка на лице главаря стала еще шире, и он еле сдержался, чтобы не засмеяться на пару с Медведем.

«Дебилы!» – рассерженно обозвала их про себя Катрин. Даже рта не открыла, но глаза ее выдали.

Мужчина, что сидел напротив, увидел надменный взгляд девочки. Он вдруг резко изменился в лице, вскочил со стула, отбросил его в сторону и, подлетев к Катрин, дал ее такую сильную пощечину, что в голове у девочки зашумело еще сильнее, чем после удара по затылку. Россыпь звезд в глазах на несколько секунд ослепила ее, но сознание она не потеряла.

Мужчина схватил девочку за волосы и притянул ее лицо к своему. Она чувствовала, что его сердце бьется быстрее, когда он видит боль и страх в глазах жертвы. Он открыл рот, и Катрин ощутила гнилое дыхание:

– А ну, быстро сказала, кто ты и чего хотела, иначе мы тебя будем иметь до тех пор, пока дым из ушей не пойдет!

Его друг все это время кивал головой и улыбался, как умственно отсталый. В его голове крутились самые отвратительные мысли, которые когда-либо приходилось слышать девочке.

«Мне нужно срочно попасть на кухню, срочно, там спасение», – твердил ее внутренний голос.

– Я ничего не знаю, это все моя тетя! – эти слова вырвались вместе со слезами.

– Кто у тебя тетя? Почему она говорит о том, что в полиции не должны видеть письмо? Откуда она про нас знает?! – главарь не кричал, говорил медленно, но злоба из его рта вылетала вместе с горячими каплями слюны.

– Моя тетя знает все! Она тоже ведьма.

– Опять ведьма! Ты что, издеваешься? – он саданул девочку еще раз, отчего у Катрин пошла кровь носом.

Вот тогда-то страх и ушел на второй план. Его вытеснила ярость. Такая, какую никогда не испытывала девочка-подросток за все годы своей недолгой жизни.

– Если отведете меня на кухню, я все вам покажу и расскажу, а потом сама сниму с себя одежду, и вы сможете сделать все, что захотите. Даже буду специально стонать и сопротивляться, если пожелаете.

Голос ее звучал холодно и бесстрастно, отчего у мужчин побежали приятные мурашки по коже. Они молча переглянулись, а потом перерезали хомуты ножом.

– Даже не вздумай дергаться, иначе я тебе этим ножом новую промежность вырежу, – прошипел маньяк, и все трое пошли на кухню.

С каждым шагом тело девочки наполнялось все большим количеством энергии. Губы ее дрожали, ладони вспотели, а низ живота уже весь горел. Она никогда еще не чувствовала ничего подобного.

Дизайн у кухни был тот еще. На самом деле кухню здесь мало что напоминало. Газовый баллон, подсоединенный к дешевой плитке, чайник, вымазанный застывшим жиром, пара табуретов и стол, весь в пятнах от засохшей еды. На нем были разбросаны личные вещи Катрин, телефон с треснувшим от падения экраном, разорванный конверт. Но самое главное – на краю стола стояла небольшая картонная коробка, от которой исходило яркое сияние. Она дрожала, создавая вибрацию, и от этого вся комната ходила ходуном. Это, похоже, чувствовала и видела только Катрин.

– Ну что, ведьма, так и будешь стоять? – не выдержал желтозубый.

– Что в этой коробке? – все тем же ледяным голосом спросила Катрин.

– Это моя коллекция – личные вещи наши подружек, там и твоя есть, – радостно заявил здоровяк и, подойдя к коробке, выудил оттуда расческу-гребешок, что принадлежала Катрин.

– Мы ждем! – рявкнул главарь, но Катрин этого не слышала.

Она уже ничего не слышала, потому что коробка находилась прямо перед ней, а внутри лежала целая куча заряженных аккумуляторов. Глаза у девочки закатились, она потянула носом энергию, и та просочилась в нее, как вода сквозь марлю. Ощущение было невероятным, мощным и абсолютно прекрасным. Волосы на голове Катрин поплыли вверх, устремились к потолку; кажется, она сама оторвалась на пару сантиметров от пола. Ее тело источало слабое, но заметное невооруженным взглядом сияние.

– Ты чего это?! – крикнул хозяин коллекции, глядя на изменившуюся Катрин.

Он хотел было схватить ее, но не успел протянуть руку вперед, как весь дом дрогнул. Лампочка на потолке нервно замигала, а затем лопнула. Горячее стекло разлетелось в разные стороны и попало в лицо здоровяку, отчего тот выругался. Полы начали ходить волнами, словно под ними ползали гигантские крысы.

– Что за хренотень?! Эй, какого черта?! –

Оконные решетки разрывались на части и падали, словно были сделаны не из железа, а из сухого песка.

– Прекрати! Слышишь?! – в голосах насильников не осталось и следа былой уверенности.

– Сейчас рухнет! Надо сваливать!

Они помчались прочь из ожившего дома, даже не думая о том, чтобы прихватить с собой Катрин. А девочка вдохнула еще раз, и теперь ее тело слилось со всем вокруг. Она стала частью дома, стала частью улицы; казалось, все вокруг подчиняется ей.

Катрин остановила убегающих мужчин одной лишь мыслью. Она припечатала ублютков к стене и хотела лишь одного: разорвать их на части. Те жалобно пищали, как котята, ожидающие утопления, молили о пощаде, обещали сдать полицию и навсегда завязать со своими грязными делами, но Катрин их не слышала – она медленно выворачивала суставы негодяям, даже не касаясь их. Сотнями за раз она выдергивала волосы из их тел, сломала им носы и уже хотела продвигаться дальше, но тут, откуда ни возьмись, в дверях появилась Вера:

– Стой! Не нужно! – истошно закричала она.

Но Катрин не могла остановиться – ей хотелось уничтожить этих мерзавцев, стереть их с лица Земли. И тут она почувствовала, как Вера начала трясти ее, схватив за плечи – но Катрин лишь оттолкнула ведьму невидимой рукой, и та, отлетев на несколько метров, ударилась спиной о шкаф.

Маньяки были в агонии и уже сами были согласны на смерть, лишь бы боль, которой их подвергала Катрин, прекратилась. Тогда Вера что-то быстро и громко забормотала. Рукой она нарисовала на стене прямоугольник, и через секунду он превратился в дверь. Вера открыла эту дверь и невидимой силой, на которую ушла вся ее энергия, втолкнула туда сопротивляющуюся Катрин. Дверь захлопнулась. Мир резко стал статичным, словно кто-то щелкнул выключателем.

Глава 3

Катрин оказалась на полу в совершенно пустой комнате без дверей и какой-либо мебели. Единственное, что было здесь, кроме четырех стен – небольшое окно под потолком, через которое на пол падал бледно-серый лунный свет. Сила все еще пульсировала внутри Катрин, и девочка попыталась разнести комнату в щепки, но стены поглотили энергию. Она попробовала снова, но комната глушила ее силу, впитывала в себя как губка до тех пор, пока Катрин не была выжата, словно лимон. Девочка обмякла. Добравшись на четвереньках до угла, она уперлась в него спиной и, свесив голову на грудь, задремала.

Вера объявилась лишь спустя несколько часов.

– Ну что, отпустило? – спросила ведьма свою подопечную, которая теперь сидела в единственном подсвеченном пятне на полу и таращилась в окно.

Катрин медленно вдохнула, а затем так же медленно выдохнула. Она все еще чувствовала зудящее присутствие силы. Но злоба отступила, и на смену ей пришел страх.

– Что со мной было? Откуда во мне столько силы? Как вообще такое возможно? – тихо произнесла девочка, не поворачивая головы.

– Видишь ли, я не зря с тобой вожусь и трачу свое время. У меня на тебя большие планы. То, что произошло сегодня, помогло раскрыться твоей сущности – и теперь ты готова.

– Как ты узнала, где я? – резко спросила Катрин и повернула голову в сторону Веры, стоявшей в образовавшемся дверном проеме.

– Я всегда знала, где ты.

– Как это – знала?! Ты знала о том, что со мной происходит, и не помогла?! – голос девочки стал громче, она чувствовала, как снова начинает закипать.

– Конечно знала. Если бы я помогла, ты не сделала бы того, что сделала. Но ты слегка, конечно, переборщила, именно поэтому я все-таки вмешалась. Убийство – это крайняя мера. Мы не убиваем, в этом редко возникает необходимость.

– И какие еще у тебя планы на меня? Что дальше? Отдашь меня на растерзание бешеным собакам? Толкнешь с обрыва?!

– Успокойся, девочка! Мы уже обсуждали твой тон!

Вера подошла ближе и, скрестив руки на груди, впилась своими глазами в глаза помощницы. На этот раз Катрин смотрела прямо на Веру и не стала сдавать позиции.

– Я не хочу больше ничего такого! Это не то, о чем ты мне говорила вначале!

– А ты думала, все будет как в сказке? Сядешь на метлу и полетишь варить зелье, размахивая волшебной палочкой? – Вера щелкнула пальцами перед носом Катрин, отчего та резко отстранилась. – Проснись, ты должна радоваться тому, что так быстро получила этот заряд. Некоторые годами копят аккумуляторы, складывая их в сейф, чтобы накопить нужное количество, и трясутся, как наркоманы, чтобы не вдохнуть хотя бы один. А после знаешь, что происходит? У них крышу сносит, а вместе с их с крышей, как правило, сносит несколько районов. Ты же чувствовала власть? Чувствовала силу? Хотела убить этих козлов? Стереть их в порошок, предварительно обескровив? Скажи спасибо.

Катрин молчала. Только подергивающаяся верхняя губа выдавала ее гнев и страх.

– Не тебе осуждать мои поступки, и уж поверь, все делается для твоего же блага. Пойдем, дело еще не закончено.

Катрин фыркнула, но последовала за Верой. Когда девочка подошла к двери, она увидела, что деревянное полотно испещрено бороздами и следами от ногтей. По телу пробежал тревожный холодок. Кто-то явно пытался выбраться отсюда долгое время.

Перешагнув порог и оглядевшись, Катрин увидела, что находится в квартире наставницы. А дверь за ее спиной ведет в ту самую комнату, откуда раньше постоянно доносились стоны.

Человек, что был здесь до Катрин, куда-то пропал, но спрашивать куда, Катрин пока не решалась.

– И что теперь? – поинтересовалась девочка, когда Вера растянулась в своем любимом кресле.

– Вот твое письмо, – протянула девушка слегка измятый листок бумаги.

– Мне снова тащиться туда? Посреди ночи?! – Катрин не могла сдержать эмоции, паника заставляла ее повышать голос.

– Теперь это ни к чему, ты спокойно пошлешь письмо так.

– В смысле?

– Все очень просто, ведь у тебя теперь достаточно сил, чтобы переслать письмо через небольшой портал.

– Но порталы – это же двери и окна, которые нужно сначала доставить в нужное место! – Катрин вспомнила, как затаскивала к себе в комнату малопривлекательную тумбочку.

– Все так, но портал можно сделать и временный. Ты помнишь, как выглядит дверь твоей подруги?

Катрин напрягла память, внутри что-то задрожало, скопившаяся энергия очистила разум, и перед глазами встала картинка. Девочка видела перед собой дверь – всю, до мельчайших подробностей.

– Теперь нужно нарисовать полотно на какой-то поверхности, – раздавала указания Вера, не вставая с места.

– И что за поверхность должна быть?

– Любая, но не советую рисовать на полу, иначе есть шанс провалиться, а внезапное появление в чужом доме – не самый лучший способ знакомить людей с твоей профессией.

Катрин неуверенно подошла к стене и тупо уставилась на нее.

– Ну и что дальше?

– Дальше ты фокусируешь свое внимание на картинке, возникшей у тебя в голове, и начинаешь рукой рисовать контур двери. Но ты должна сама научиться направлять энергию. Как это сделать, я тебе сказать не смогу – нужно понять самостоятельно.

Катрин закрыла глаза, напрягая и без того разболевшуюся голову. Вот дверь, в мыслях она как настоящая. Катрин провела по стене рукой, нарисовав невидимый контур, а затем открыла глаза. Ничего не произошло. Стена выглядела как прежде. Девочка вопросительно посмотрела на вальяжно развалившуюся в кресле ведьму, но та лишь пожала плечами:

– Пробуй, пока не получится.

Тогда Катрин повторила свою попытку, а затем еще раз и еще. Прошло около получаса, пока терпение юной ученицы не иссякло.

– Да пошло оно! Ни хрена не выходит!

– Ты просто не стараешься, – ответила Вера, которая уже успела откупорить бутылку красного вина и разжечь камин.

«Это я-то не стараюсь? Да пошла ты!» – кипятилась про себя Катрин.

Она снова закрыла глаза и принялась чертить контур, но тут что-то изменилось. Внезапно пробравшая ее злость запустила в теле незнакомый процесс. От живота к руке потянулась теплая волна, и Катрин почувствовала, как рука сама движется по некоему курсу. До этого момента девочка чертила дверь схематично, как придется, но теперь ее будто вело по линейке. Пару раз рука немного дернулась, где-то шла плавней, а где-то – резче. В нос ударил запах того места, куда она создавала портал. Открыв глаза, Катрин увидела перед собой точную копию двери Нины. Это было потрясающе.

– Получилось, – еле слышно сказала она.

– Наконец-то. Я уж думала, до утра возиться будем, – язвительно произнесла Вера и встала с кресла.

– Что мне делать дальше?

– Послушай, не ходит ли кто за дверью, а то увидят тебя, и тогда придется как-то выкручиваться.

Катрин прислонила ухо к полотну. До нее донеслось еле слышное сопение. Она сглотнула ком в горле и приоткрыла створку. Затем на носочках прошла в прихожую, положила письмо на тумбу рядом с ключами и быстро выбежала обратно, громко хлопнув дверью. Оказавшись снаружи, Катрин снова приложила ухо к мерцающему полотну, которое, кажется, начинало растворяться.

– Кто там?! Нина, это ты?! – слышался голос Нининой матери.

Затем раздались приближающиеся шаги и щелчок выключателя. Звуки быстро растворялись. Катрин отошла от двери и увидела, что ее контуры исчезают, и стена снова становится цельной.

– Ты молодец! – впервые похвалила Вера свою ученицу.

Ошеломленная Катрин, кажется, растаяла. На ее лице впервые за долгое время заиграла легкая улыбка.

– Но завтра тебе придется притащить одного из мужчин к гаражам к одиннадцати часам.

– Вот черт, я же не поменяла текст письма!

– Нужно быть внимательнее, – самодовольно улыбнулась Вера.

– Ты могла бы и подсказать, – обиженно фыркнула Катрин.

– Могла. Но у тебя должна быть своя голова на плечах. А теперь иди, мне нужно заниматься своими делами.

Когда Катрин выходила через главный вход, то увидела направляющихся к двери Веры клиентов.

«И чего людям не спится?» – оттолкнув гостей, девочка проследовала к своей квартире и повернула ключ в замочной скважине.

Родители уже дрыхли без задних ног, приняв усыпляющую дозу алкоголя. На кухне под потолком клубился сигаретный дым. Из комнаты доносился пьяный храп отца, и Катрин поняла, что можно особо не осторожничать. Сна не было ни в одном глазу. Девочка достала дневник и задокументировала в нем все, что произошло за последние несколько часов, а после рассказала о своих мыслях и чувствах, как делала всегда. Она снова написала несколько строк о том, что, возможно, ее согласие стать ведьмой (или «помощницей Веры») – не самое правильное. Закрыв дневник, Катрин завалилась в кровать и начала продумывать план действий на будущее. Кажется, ей придется воспользоваться куклой.

* * *

Катрин проспала. До назначенного времени оставался всего час. Она не стала завтракать и пулей вылетела из квартиры. О том, чтобы посещать занятия в лицее, девочка даже не думала. Кажется, сейчас учеба отошла со второго плана на третий, а то и на пятый.

Где находился дом преступников, Катрин помнила, но как туда быстро добраться – понятия не имела. В кошельке давно завелась «моль», которая поглощала все попадающие внутрь наличные средства, а значит, такси оплатить не получится.

«Или получится? Интересно, что еще может ведьма?» – задумалась Катрин.

Во дворе ее дома, как всегда, терлись местные алкоголики, которые ежедневно только тем и занимались, что собирали мелочь на новую порцию горячительного. Катрин издалека подслушала их мысли – предельно просто и скучно. Алкоголь давно вытеснил из их голов все остатки серого вещества, а заодно и прочие интересы и чувства. Но иногда кое-какие идеи у этих людей все же проскакивали. Один из участников явно утаивал от своих компаньонов

отложенные деньги, не желая делиться, и всячески отнекивался, когда предлагали «скинуться на пузырь».

Катрин напряглась. По телу пошла вибрация, из недр сознания потекла волна мыслей, которые она попыталась передать алкоголику-жмоту. Но ничего не вышло. Точнее, вышло, но лишь наполовину – он потянулся в карман за деньгами, сам того не осознавая, но потом резко осекся и передумал. Тогда Катрин сделала попытку передать свои мысли другому мужичку, который собирал деньги в общий «банк».

– Сдается мне, Валера, что ты нас обманываешь, – вдруг произнес заплетающимся языком тот, кому Катрин отправила сигнал.

– Я? Обманываю? Да за кого ты меня принимаешь?

– А ты выверни карманы!

«Получилось! – окрыленная успехом Катрин вызвала такси, оставив алкоголиков разбираться между собой. – Вера же говорила, что я должна быть самостоятельной».

Таксист прибыл через пять минут, и, пока они мчались в нужном Катрин направлении, она без конца посылала сигналы в голову таксиста, подменяя его внутренний голос своим. Сила, которая жила внутри девочки, быстро испарялась, и Катрин это чувствовала. Она попросила таксиста высадить ее чуть раньше, в районе дорогих домов, чтобы незаметно пробраться к логову маньяков.

Когда они прибыли на место, Катрин сделала вид, что полезла за кошельком, но водитель ее остановил:

– Не нужно! – сказал он и, пожелав удачи, помог девочке выйти.

– Спасибо, – сооротив невинное лицо, Катрин вышла из такси и помахала водителю на прощание.

До одиннадцати оставалось полчаса. Если двигаться быстрым шагом, можно успеть – только вот была одна проблема. Катрин понятия не имела, на месте ли преступники. Вдруг они оставили свой притон после бурной ночи? Все сейчас зависело исключительно от удачи. Затаившись в кустах напротив объекта наблюдения, она достала из сумки криво сшитую куклу и начала двигать ее ногами, имитируя ходьбу.

Сначала ничего не происходило, и Катрин уже хотела было бросить эту затею и вернуться домой. В конце концов на наказании насильников свет клином не сошелся. С другой стороны, ей искренне хотелось помочь Нине – в знак бывшей дружбы. От досады она резко заломила кукле руку, и со стороны дома послышался истошный вой – значит, по крайней мере один из мужчин находился внутри. Катрин подобралась поближе и украдкой заглянула сквозь решетку в единственное окно.

– Как же меня достала вся эта хрень! – сотрясал воздух тот, чья душа была связана с тряпичной куклой.

Его приятель нервно бегал по комнатам и собирал вещи. Катрин снова достала куклу и повернула ее на пол-оборота. Насильник тоже повернулся. Тогда девочка поставила куклу и зашагала ее ногами.

– Ты куда? – возмутился здоровяк, оттирающий что-то от стены.

– Сам не знаю, – испугано ответил его напарник, продолжая идти к выходу.

Гигант бросил тряпку на пол и, обогнав товарища, загородил собой дверь.

– Смыться решил?! – зарычал он.

Тут Катрин из последних сил отправила свои мысли прямо в маленький мозг Медведя, который прятался в его огромной голове. Дитина вдруг отошел от двери, а затем резко побежал в ванную: это Катрин внушила ему, что там лежит большая сумма денег, которой, естественно, на самом деле там не было. Мужчина отсутствовал всего пару минут, но этого времени хватило, чтобы Катрин заставила своего «подчиненного» выйти наружу. Тот пытался сопротивляться странной силе, управляющей его телом, и звал на помощь товарища. Катрин быстро достала из

сумки помаду и покрасила ему рот. Мужчина умолк. Ноги сами вели его по пустому тротуару в сторону места преступления, а через минуту он перешел на бег.

Катрин и ее «ручной маньяк» опоздали на пятнадцать минут. На месте никого не оказалось. Катрин затаилась в кустах неподалеку и стала наблюдать.

«Вот, блин! Должно быть, уже ушли. Или вовсе не появлялись».

Это было фиаско. Катрин начала обдумывать новый план, как вдруг до нее донеслись мысли преступника.

«Какого хрена я здесь делаю? – он воровато оглянулся по сторонам. – Ну, раз я здесь, так и быть, поищу этот чертов гондон», – и он принялся рыскать в поисках улики.

Неподалеку остановилась машина. Маньяк снова огляделся по сторонам, а потом продолжил поиски.

«Вот он! Фу, как эту мерзость в руки брать?»

Тут до Катрин донеслись мысли еще одного человека:

«Какие там могут остаться улики? Мамаша либо совсем с горя головой тронулась, либо что-то знает, но не договаривает. Надеюсь, закончим до обеда, сегодня еще отчет писать», – думал полицейский.

Насильник подцепил веточкой презерватив и хотел бежать, но Катрин все еще держала в руках куклу: она заставила мужчину стоять на месте.

«Да что за фигня?!» – психовал он, стараясь оторвать непослушные ноги от земли, но те застыли намертво, словно их залили бетоном.

Через несколько секунд из-за гаражей появились двое полицейских, сопровождающих родителей Нины. Завидев служителей закона, маньяк попытался выбросить презерватив и сорваться с места, но у него не вышло ни то ни другое.

«Да вашу ж... Что происходит?!» – негодование быстро переросло в панику.

– Вам помочь? – обратился полицейский к застывшему на месте мужику.

– М-м-м, – промычал тот в ответ, а затем, к своему удивлению и к удивлению собравшейся публики, вытянул вперед руку с веткой, на конце которой висел использованный презерватив.

Никто не мог понять, что это за представление. Лишь мать Нины показала пальцем на мужика и во весь голос, словно ее грабят, завопила:

– Это он! Насильник! Держите его!

Тут Катрин опустила игрушку. Преступник, снова почувствовав себя хозяином собственного тела, бросился бежать, но быстро был сбит с ног и скручен полицейскими.

* * *

– Ну, рассказывай, как все прошло? – спросила Вера, встретив Катрин на лестничной площадке.

– Хорошо, – сдержанно ответила Катрин.

– Ну же, дорогая, не скромничай! Я же вижу, тебя просто распирает от гордости, – подстегивала ее ведьма.

– Мне что-то не по себе, – неожиданно тихо сказала Катрин и оперлась рукой о стену, не в силах стоять на ногах.

– А, так это у тебя «отходняки» начались. Тело постепенно теряет заряд, и с каждой минутой ты будешь все сильнее чувствовать усталость, которая срубит тебя, и ты провалишься в постели дня два, – Вера говорила так невозмутимо, словно речь шла об обычной простуде.

К горлу Катрин подступала тошнота, ватные ноги не держали обессиленное тело, и девочка сползла по стенке на пол. Тяжелые веки опускались стремительней театрального занавеса, и, как бы Катрин ни старалась остаться в сознании, ей это было не под силу.

– Эй! Хорошо тут отдыхать, я тебя тащить не собираюсь! Эй! Вот черт! – выругалась Вера, стоя над обмякшим телом Катрин.

* * *

Никогда еще сон не был таким крепким, а пробуждение – таким тяжелым. Катрин открыла глаза и несколько минут просто лежала, ни о чем не думая. Она пошевелила слегка затекшими конечностями и, как только прилила кровь, почувствовала, что ее тело снова полно сил.

«Что за...»

Кто-то раздел ее до нижнего белья и уложил в кровать. Катрин огляделась по сторонам и поняла, что не знает, где находится. Это была не ее квартира и не квартира Веры, да и на больницу помещение не походило даже отдаленно. Девочка опустила с кровати босые ноги и нащупала теплый деревянный пол. Рядом стоял стул, на котором лежала аккуратно сложенная одежда Катрин. Она быстро оделась, и тело ее ощутило приятное соприкосновение с чистыми и выглаженными вещами.

Осмотревшись, девочка поняла, что находится внутри какого-то дома. Электричества здесь, кажется, не было. На темных деревянных стенах плясали тени, создаваемые встроенным в стену камином. От огня по всей комнате расходился сладкий хвойный аромат. Но источником света было не только пламя. Катрин осторожно подошла к не полностью занавешенному широкому окну и ахнула: синяя луна искрилась на пушистом девственном снегу, которым было покрыто все вокруг.

«Очередное окно, которое передает картинку, но по-прежнему ведет в мой двор», – подумала девочка.

Подняв щеколду и потянув на себя раму, она ощутила, как мороз начал щипать кожу, а в лицо ударил свежий слабый ветерок.

«Не может быть!» – Катрин высунулась наружу.

На подоконнике шелковистой полоской лежал снег. Девочка сгребла рукой идеально белую холодную крупу, которая закапала на пол, тая в теплых руках.

«Офигеть!» – чуть ли не запищала от восторга юная ведьма.

Сзади что-то глухо хлопнуло. Катрин обернулась и увидела, что в комнату вошел невысокий бородатый мужчина в фартуке и с деревянным подносом в руках. На подносе стояли пузатый чайник и резная пиала. Мужчина молча поставил поднос на небольшой столик возле камина, наполнил пиалу и удалился. Катрин постояла с минуту, не решаясь подойти.

«Надеюсь, что это не он меня раздел!» – возмутилась она про себя, а затем воровато приблизилась к столику.

Постепенно к запаху горящих дров добавился еще один, исходящий от чайника. Новый аромат напомнил Катрин сироп от кашля или бальзам вроде того, который мать наливала себе в кофе по утрам. Но в подобных лекарствах содержался спирт, поэтому отец быстро опустошал запасы, и мать свои лечебные ритуалы прекратила.

К чаю Катрин не притронулась. Вместо этого она подошла к тяжелой деревянной двери и потянула ее на себя. За ней находилась небольшая комната, которая, судя по всему, выполняла функции кухни. Бородатый мужчина что-то усердно отскабливал в раковине.

Катрин тихонько обратилась к нему:

– Где я?

Но тот словно не услышал и продолжил громко скрести. Позади мужчины была еще одна дверь – туда Катрин и направилась. Но не успела девочка потянуть за ручку, как створка открылась сама, и на пороге появилась Вера. Одетая она была совсем не по погоде.

– Проснулась? Отлично! Тебя уже ждут.

- Кто? – испуганно спросила Катрин, хотя в голове роились совершенно другие вопросы.
- Твои заказчики, которым ты письмо оставляла, – Вера говорила, а сама параллельно что-то доставала из шкафчиков, висевших на стене, и складывала к себе в сумку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.